

геннадий деринг

Боди-Бог

или месть
неандертальца

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Геннадий Евгеньевич Деринг

Body-Бог, или Месть неандертальца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39289651

SelfPub; 2018

Аннотация

Человечество погрязло в страстях, лжи и насилии. Человек потерял бога, сам от него отказавшись. Духовного будущего у «слабо верующего» хомо сапиенса нет и не предвидится. Так считает, не без веских оснований, Люцифер, одно из главных действующих лиц комедии. Человечество, как и всё в мире, меняется. Человек проходит последовательно ряд стадий духовного развития. Конца этому развитию не наступит – полагает Боди-Бог, главный герой комедии, кумир «слабо верующих». Обложка – Андрей Альбрехтов. Содержит нецензурную брань. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 2. КОНУС ВЕЧНОГО БРАТСТВА	210
Конец ознакомительного фрагмента.	241

**Сатиры никого не исправляют,
а только озлобляют дураков.**

Вольтер.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

БОДИ-БОГ – демиург, Председатель Верховного Суда.

ИАКОВ Фридман – русский олигарх, первый из семи банкиров, секретарь Совбеза РФ.

ЛЮЦИФЕР – прокуратор ада, комендант Конуса Вечного Братства.

МАТЬ ИСИДА – супруга Боди-Бога, адвокат,

МАТФЕЙ – апостол, секретарь Суда.

ДАРЬЯ ЯРОСЛАВЦЕВА – душа русского этноса.

МОИСЕЙ – пророк.

ИАКОВ-ПАТРИАРХ – предок олигарха Иакова.

ОТЕЦ ОНУПРИЙ – православный иерей.

Эксперты различных отраслей знания, учёные с мировыми именами, судебные приставы, секретари, миряне, клирики, эринии, нимфы, гении, ангелы, слуги и др. мелкие личности.

КРАТКИЙ ПРОЛОГ

В наш век расчёта и цинизма

Душа превечная пуста,

Она в тумане эгоизма

Не видит Божьего перста.

Но жив в пустыне саксаул

И живы средь людей пророки,
Они небесный внемлют гул
И прорицают судбищ сроки.
Давно ли матушка Россия
Семибанкирщину несла.
А ныне где преступных сила?
Мошна от кары не спасла.
Мне велий глас вещал в ночи:
Восстань! Компьютер свой включи,
Крещёному поведай миру
О том, как пали семь банкиров!
И вплоть до утренней порфиры
Мне глас божественный гремел.
Я записал его стихиры,
Как слышал, грешный, как умел...

Автор.

Часть 1. СИМУЛЯНТ ХИТРОУМИЕ ЛЮЦИФЕРА

(Рабочий кабинет Боди-Бога. Творец Вселенной трудится за компьютером, порой расхаживает по кабинету от стены к стене, перелистывая на ходу старинные книги и свежие журналы, делая закладки и отбирая нужные фолианты в большую стопу. Изредка пригубливает из простого глиняного фиала амброзии. Входит прокуратор ада Люцифер, молча встаёт у дверей. Выражение лица Люцифера обиженно-укоризненное, подмышкой у него раздутая от бумаг ко-

жнаная папка.)

БОДИ-БОГ (*рассеянно глянув на Люцифера*).

Что с Конусом?

Опять какой-нибудь конфуз?

ЛЮЦИФЕР (*недовольно*).

В порядке Конус. Заселяю.

Невдолге полный пуск.

БОДИ-БОГ (*посмотрев на Люцифера внимательнее*).

О чём печалишься, Люци?

Закваски съел или маци?

ЛЮЦИФЕР (*горестно*).

Авва и Благодетель! Меня снедает страх:

Дела-то наши – швах!

БОДИ-БОГ.

Szwach – это из какого диалекта?

ЛЮЦИФЕР.

Так Раша изъясняется.

БОДИ-БОГ.

А, русский.

Картошкой нос и око узкое...

ЛЮЦИФЕР.

Шуткуете, Отец? Всё Вам потешно...

Не привелось бы плакать безутешно!

БОДИ-БОГ (*углубляясь в работу*).

Как полагаешь, Йети:

Ветвится мировая эволюция, как дерево,

Или она, скорей, бытует в виде сети?

ЛЮЦИФЕР (*сердито*).

Она бытует в виде окаянства,

В виде победы нового язычества

Над верою святою христианской!

БОДИ-БОГ (*удивлённо*).

Что за дебош?

Что ты, злодей, несёшь?

ЛЮЦИФЕР (*с вызовом*).

Хвалёному рационалу,

Венцу великих достижений века

Клейма вlepить, я извиняюсь, некуда!

Прагматик, атеист,

Лукав, свиреп и на руку нечист!

БОДИ-БОГ (*меланхолично*).

Передо Мной и Небеса нечисты...

ЛЮЦИФЕР (*повышая голос*).

Он беззаконие глотает, как вино,

Лице покрыл бесстыдства жиром,

Стяжанья туком сердце обложил!

БОДИ-БОГ (*смеётся*).

Ну, братец, удружил!

Я помню, как Иова подсел ты с его правдой.

И что? Иов вчистую был оправдан.

Я за Иова, между прочим,

Коего ты клеветой опутал,

Сполна ещё с тобой не рассчитался, плут!
Опять пришёл с бесплодной затеей?
Уймись, диониса испей!

ЛЮЦИФЕР.

Отец, Ты знаешь, я каков бываю во хмелю.
Поэтому не пью.
А что касается Иова...

(Желчно.)

Святой Иов среди двуногой твари
Торчал, как шиш.

Рационал против него –

(Люцифер презрительно шмыгает носом.)

Задротыш!

(Боди-Бог смеивается.)

ЛЮЦИФЕР.

На днях я был с комиссией в России.

Там бога и саму Святую мать

Последними словами поносили.

БОДИ-БОГ *(задумчиво).*

Россия, по Моей градации,

В начальной стадии цивилизации.

Среди вегетативной массы

Уже встречаются отдельные рационалы.

По чайной ложке в час, шажками пони

Там отступает беззаконие...

(Нахмурившись.)

Чего ты добиваешься, разбойник?

ЛЮЦИФЕР.

Я бы просил в формате Пресвятого трибунала

Пробить конкретного рационала,

По регистрации русея, по крови иудея...

Всё в рамках общей парадигмы, Отче.

Ваша теория стадийности только упрочится.

(Скромно.)

Правда, моя гипотеза с Божественной не бьёт...

БОДИ-БОГ *(усмехаясь).*

Тем хуже для неё.

ЛЮЦИФЕР.

Мы лишний раз реальность

Сличим с Божественною прозорливостью

И гениальностью...

БОДИ-БОГ *(с досадой).*

Очередной Иов!

И снова наломаешь дров.

ЛЮЦИФЕР *(торопясь).*

На этот раз не допущу промашки:

На рассмотрение Суда подам отборные бумажки!

БОДИ-БОГ.

Послушай, олух царя небесного,

Тебе известно,

Что Я держу обет

Судам мирским давать приоритет?

Верховный Суд берёт к святому производству
Не всё, что нарывають легаши,
А лишь казуистические случаи
С отдельными усопшими,
И только те, которые имеют
Значительный научный интерес.

ЛЮЦИФЕР (*горячо*).

И я о том же! Едак, едак, едак!
Такой и предлагаю я процесс!

БОДИ-БОГ.

Субъект, о коем ты колготишься,
Палый или живой?

ЛЮЦИФЕР.

Живой. Но случай, Ваша честь, особый!

Уже везут в контейнере в азоте жидком

Отъятые предательством тестикулы.

Соблюдены и процедурные моменты:

Допросы, ставки очные,

Кастраторов кураж, телеги импотентов...

К нам в Канцелярию Суда молений поступили тонны...

(Люцифер выхватывает из подмышки папку, дёргает за замок и вываливает на стол перед Боди-Богом пачку бумаг.)

...Стал бы я шевелить Вас, Авва, нерезонно!

БОДИ-БОГ (*грозно*).

Тестикулы отъятые? Тогда – аппорт!

С подобным злом у нас короткий разговор.

Но знай: невинного схарчить не дам!

Тяни на Суд, как его там?

ЛЮЦИФЕР (*сдерживая радость*).

Иаков, Отче, Яшкою зовут в миру...

БОДИ-БОГ (*твёрдо*).

Быть по сему.

Бумаги на столе оставь,

Я полистаю.

БЕССМЕРТНЫЕ БОГИ

(Верхняя площадка колоссальной, от земли до небес, Лестницы. На площадке – скромный храм в ионическом стиле. Между колоннами храма – мраморные статуи Посейдона, Гефеста, Геры, Афродиты, других богов и богинь. В широко раскрытые двери видна скульптура верховного божества – Зевса Олимпийского, седьмое чудо света. Зевс смахивает на Боди-Бога. Гигантское изваяние местами обуглено. На площадке – низкий столик с винами и амброзией. Под портик храма выходят Боди-Бог и Мать-Богиня Светлая Исида.)

БОДИ-БОГ (*глядя на статую Зевса, с грустной усмешкой*).

Как хорошо, что спас Я из огня

В Константинопольском пожаре любимого себя!

Взгляну, и возвращаюсь в молодость.

Строптивец Фидий, что удумал: дерево да кость!

Нет бы ваять Меня, как всех богов, героев и софистов

Из мрамора сквозистого,
Ну что такое кость, пусть и слоновая?
Божился: такова, мол, мода новая.
Не выхвати Я из костра статуй,
Конец шедевр был бы, мама не горюй!
(Задумывается и декламирует.)

*На дела мирские, прошлое итожа,
Оседают время, как на след пороша...*

ИСИДА.

Отец! Не властна над Тобой забвения река.
Во всяком случае, пока...

БОДИ-БОГ (декламирует, тяжело вздохнув).

*Нет в мире счастья ни дня,
Есть лишь за ним бесплодная погоня...*

Не знаешь никогда,
Откуда налетит беда...

ИСИДА.

Да что стряслось? Низвергся Конус?
Или бастуют мертвецы?

БОДИ-БОГ (мрачно).

Не смейся, женщина! Вовлѐк Меня Люци
В разбор российского предательства,
Судебное затеял разбирательство...

ИСИДА.

Кого язвит на этот раз змея?

БОДИ-БОГ.

Выходит, что Меня.

Ты помнишь старого Иакова?

ИСИДА.

Встречались...

БОДИ-БОГ.

Так вот его потомок, тоже Яков, аморальный тип,

Что видно из представленных бумажных кип,

Обманом обкарнал Ивана Святогорова,

По прозвищу Совок,

А сына его, прозванного Рашкой, святого инока,

Втянул в «свободный рынок».

Иаков шулер вёрткий,

А Рашка, от ума большого, сел с ним играть в напёрстки.

Когда-то в Греции плебейские убудки

Играли так-то в кубки.

Они друг друга знали, корешились с детства.

Ну, Рашка другу и продул отцовское наследство.

Оно по документам

Проходит почему-то, как... тестикулы.

Такие вот артикулы.

ИСИДА (*смеётся*).

Я слышала об этом краем уха.

Тебе-то, дорогой, на что эта непруха?

БОДИ-БОГ.

На операцию всемирного значения

Я как бы дал Иакову благословение...

ИСИДА.

Отец, причём здесь Ты?!

БОДИ-БОГ.

Затеи Сатаны просты.

Со стариком Иаковом

Я в годы оны плотно корешился,

Завет с ним составлял и на крови божился.

Потомки Якова... подай-ка кратер...

*(Исида наливает из кратера в кубок «Дюрсо»
и подает Боди-Богу кубок.)*

...Меня произвели в гефатеры.

С тех пор я в Вашингтоне и в Рязани

Участвую заочно в обрезании.

ИСИДА *(хохочет).*

Туфта какая! Я в прострации!

Все эти мифы распустил пророк Моше.

Но даже если так,

Речь шла об обрезании – не о кастрации!

(Смеётся.)

БОДИ БОГ *(грустно).*

И то бы ничего.

Но, получается, внучок

Со Мной и до сих пор

В Завете состоит формальном:

Ото всего, что хапает охальный,

Десятую Мне часть должны перечислять.

Ты в «Бытие» давно заглядывала, Мать?

ИСИДА.

Я думаю, что вор давно забыл о боге,

Его проценты не доходят до Тебя,

Но оседают в кассе синагоги.

На мраморной плите не имя Божье долбят – спонсора.

И потому у книг Твоих бухгалтерских

Не кружат, слава богу, мусора.

БОДИ-БОГ.

Преступник намекнул,

Что действовал со Мной по договору.

ИСИДА.

Чистейший оговор!

Ты лично с ним не стряпал сделки.

Неподтверждённая оферта.

Элементарная афера!

Тебе не сообщили диспозицию,

Ты не был надлежаще извещён

О перемене в договоре лиц!

БОДИ-БОГ.

А «Библия»? Там о Завете запись!

(Принюхивается к фиалу и делает из него глоток.)

Каким-то мылом тянет от «Дюрсо»...

Короче, затащило, как шавку в колесо...

(Исида подаёт Боди-Богу кубок с амброзией.)

БОДИ-БОГ.

И всё бы полбеды.

Увы!

Напасть одна не ходит!

Моя гипотеза из рук уходит.

Люци внушает актом обвинительным,

Конечно, косвенно, не прямо,

Что этот Яков – соль земли и лёгкий изотоп урана.

На лестнице духовной эволюции,

Которую Я наблюдаю,

Этот субъект ступеньку высшую обременяет.

По объективным данным, удалец –

Продвинутый рационал и... окончательный подлец!

ИСИДА (*задумавшись*).

А может, это лжеиудей,

И вся история – извет и оговор?

Пускай его осмотрит экзекутор.

При цезаре Домициане

В судах исследовали иудеев в бане.

БОДИ-БОГ.

Есть в деле документ, на двух листах притом,

Осмотрен Яков опытным экспертом.

ИСИДА.

Есть знаменье завета в труселях?

БОДИ-БОГ (*с сердцем*).

На месте вензеля!

Главное, сроки пропущены.

Какой Я ротозей!

Не открестился от Завета в тридцать дней...

ИСИДА.

Окстись! Какие тридцать дней?

Все сроки истекли.

Ты уже тысячи лет не Яхве!

БОДИ-БОГ.

Но Я им был!

ИСИДА.

И Яхве был, и Зевсом, и Христом, и Саваофом!

И чо?

Тогда за весь Танах ивримы пусть отвечают чохом.

Кто это ловит рыбку во тьме веков кромешной?

Кто этот гнида грешный?

БОДИ-БОГ.

Ты что, не знаешь прокуратора?

Тот ещё провокатор...

ИСИДА.

Мало ли пережил Ты, Отче, перевоплощений.

Мало ли по работе было упущений!

Но Ты как был, так и пребудешь Сущим –

И в прошлом, и сейчас, и в будущем.

Как говорится, альфа и омега,

Сегодня Боди, а вчера Йегова!

БОДИ-БОГ.

Дело запутанное, странное и резонансное,

Сплошь из нюансов.

К примеру, в протоколах утверждается,

Что обвиняемый использовал

Особо злостный вид кастрации –

Финансовый!?

*(Боди-Бог пожимает плечами,
на лице Его недоумение.)*

ИСИДА.

Не удивляйся, Отче,

Не погружайся в транс.

В России принято сейчас

Кастрировать финансово.

БОДИ-БОГ.

Короче, я бы попросил тебя... того...

Чтоб села ты в процесс защитником его.

*(Исида задумчиво кивает. Супруги прогуливаются под
портиком).*

БОДИ-БОГ *(помолчав).*

А как тебе такое заключение:

Бессмысленны и память и забвение?

ИСИДА.

Ты что-то духом пал, мой друг.

Я припасла Тебе подарочек.

Ты с бережью трать его, не вдруг.

(Показывает Боди-Богу чёрную блестящую тубу.)

БОДИ-БОГ.

Что это, женщина?

ИСИДА.

Масло «Зевс Олимпийский», и заметь,

Для тех мужчин, что начали седеть

И лысину нажили на чужих подушках.

Из Греции мои фанаты новопреставленные

Доставили чекушку.

Рост стимулирует волос.

Там есть крапива, розмарин, кайенский перец, хна.

Рекомендуют наносить на волосы до сна.

Процесс обменный возбуждает в коже.

Бесплатная доставка, что удобно тоже.

(Понизив тон.)

Ты денег-то, Отец, не признаешь

И мне на мелочи не выдаёшь...

(Исида отворачивает крышку тубы, наливает масла на ладонь и быстро проводит ладонью по голове Боди-Бога, который не успевает уклониться.)

Я снадобье вотру, любя,

И не оставит молодость Тебя.

Вид у Тебя вполне товарный...

(Отступив Исида окидывает супруга придирчивым взглядом.)

Ты сохранился в лучшем виде,

Ты благородно выглядишь,

Ты у меня не деспот, не тиран, не изувер...

А это кто по Лестнице катит наверх?

Ну, я пошла к себе. «Дюрсо» не пей.

Если понадоблюсь, я в гинекее...

ДЕДУШКА И ВНУЧОК

(Портик Лестничного храма. Под портиком прохаживается в задумчивости Боди-Бог. Он в простом белом хитоне с чёрной каймой по низу. В Его руках обвинительное заключение по делу банкира Иакова, оставленное прокуратором Люцифером. На площадку перед портиком, поднявшись по Небесной лестнице, озираясь, вступает олигарх Иаков Исакович Фридман.)

БОДИ-БОГ *(смотрит на гостя удивлённо).*

Крестничек сегодня гостем у Меня!

В сотом колене Старому Иакову родня...

ИАКОВ *(он в белом молитвенном кителе и чёрной кипе, бодро).*

Вот я!

БОДИ-БОГ *(с невольной улыбкой).*

Смотрю и хочется спросить: что нового?

Как там папаша Исаак, Ревекка-мать?

И что Лаван-хитрец, твой тесть?

Ты волос в волос в дедушку Иакова!

ИАКОВ.

Я – он и есть.

БОДИ-БОГ.

Как ты сюда проник? Режим у нас...

ИАКОВ.

Таки по лестнице. Мне был приказ!
Стоял я в синагоге на службе искупления,
И как бы сонное мне снизошло видение.
Как будто кто-то в рог мне дал:
Иди, мол, Судия зовёт, оставь кагал,
Народу же подкинь на всеожжение барана.
Ну я и дёрнул из Московии в Харран!

(Иаков изумлённо оглядывается.)

Я что, на самом деле в эмпиреях?

Прикольнo... стильно...

(Усмехается. Боди-Богу.)

А вы что, Бог?

Позвольте я на всякий случай

Вас позондирую тактильно...

(Иаков щупает край хитона Боди-Бога.)

У нас внизу столько народа развелось сомнительного:

Сенаторы, банкиры, депутаты...

Уж Вы меня простите.

БОДИ-БОГ *(неодобрительно покачав головой).*

Щупай не щупай,

Веришь-не веришь,

А Я – всамделишный.

Я с незапамятных веков

В Юдоли ведаю разумных человеков.

Ныне тобой, злосчастный, недоволен

Ты неслушанием великим болен!

ИАКОВ (*извлекает из кармана кителя очки, протирает*

очуляры

носовым платком, водружает на нос).

Серьёзный ход!

(*В тон Боди-Богу торжественно.*)

Живой и Суший! Благий Боже!

Я сам осознаю, что год греховно прожит,

И мало мною делано добра.

Но разве я не каялся с утра?!

БОДИ-БОГ (*ещё строже*).

Молчал бы уж, свинья, погрязшая в навозе!

Когда-то предка твоего благословил Я в Бозе.

Дал хлеб, чтоб есть,

Ему и жёнам и Лавану-тестю,

Хламида подарил, чтоб члены греть,

И утвердил Завет на смычку впредь,

Чтобы душе Иакова, в язычестве задубевшей, прозреть.

О, если бы Мне знать,

Когда Я хитрецу валил щедроты,

Что клон его моих поскрёбышей-русеев

На тощие посадит МРОТЫ!

Да лучше б кинул Я дары шаману в юрту,

Или в шатёр зороастрийцу курду!

Я – в ярости!

И вот в одно мгновенье

Беру назад Своё благословенье!

ИАКОВ (*недоуменно моргая*).

Да что народу-то я сделал?

Народ сыт, пьян и морда целая.

За МРОТы отвечает Починок

И целый ряд таких, как он, чинов.

Мы с Починком имея разногласия,

Уж с год по-дружески не квасим.

Со временем набросим дикобразам

Грош ломанный ко МРОТам. Но не сразу,

Чтобы не портить аппетит и стул...

Отец, ты не заснул?

(Иаков внимательно смотрит на Боди-Бога.)

БОДИ-БОГ.

Глаза прищурив, в прошлом Я тону,

В седую грузну старину.

Перед глазами плавают года,

Как в простокваше – хлопья творога.

Я вспоминаю, как Иаков Безволосый

Лишил Косматого Исава первородства,

Хотя в Косматом замечалось благородство!

Благословением отца твой предок разжился нахалом,

Папашу Исаака соблазнив козлиным налом.

Я уж не говорю, как тестя он запнул, Лавана,

Седого хитрована,

Перехватив, можно сказать, за так

Его стада рогатого скота.

Конечно, за находчивостью, ловкостью, напором
Я в прашуре твоём провидел вора.

Но ratio сомненья отвести велит,

Выбор-то у Меня был невелик.

Не мог же Я народу-богоносцу

В архонты дать Исава-недоноска.

Когда твой прашур ссуды под залог планировал,

Исав с дубиной по полям фланировал.

Затем скажу (Исаву не в обиду),

Твой щур имел отменное либидо.

Он Лию и Рахиль, служанок Зелфу с Валлой

На войлоках в шатре без усталости катал,

Отбросив меховое одеяло.

Казалось, что шатер громит не люд,

А ублажает плоть свою верблюдов.

Меня своим усердием он радовал.

Что фыркаешь?

В шатер Я не заглядывал,

Я лишь утробы регулярно отверзал,

Чтоб множился Иакова кагал.

Кто управлялся с четырьмя бабенциями,

О банковских мечтая интервенциях

(Процентом на процент Иаков с детства бредил),

Тот приведет любой народ к победе.

Ты слышал, парень, про местечко Пенуэл,

Где предка твоего Я испытал в борьбе?
Друг друга обхватив, в горячей полумгле
Махались мы на травяном ковре,
Как равный с равным.
И справа на бедре Я молодцу оставил рану...

ИАКОВ.

Все зажило, Отец... Я помню этот бой...

*(Расстёгивает китель, брючный ремень
и напряжённо оглядывает себя справа.)*

БОДИ-БОГ.

Ты хочешь показать мне срам?

ИАКОВ *(в замешательстве).*

Ещё вчера на этом месте светился бледный шрам...

БОДИ-БОГ *(раздражённо).*

Я на заре благословил Иакова, густился по отрогам
мрак...

Не из того ли мрака и вышел в родословной брак?

(Боди-Бог тычет пальцем в грудь Иакову.)

ИАКОВ *(подтягиваясь).*

Да чем же я Твою, Отец, нарушил статью?

О Господи! И от ума недолго так отстать!

БОДИ-БОГ.

Ты Мне тимуровца-то не включай с утра.

Не я же Святогоровым оттяпал ятра!

ИАКОВ *(обрадованно).*

Теперь понятен Твой азарт.

Сказал бы сразу, что об Иване весь базар!

Да, мне случилось с ним якшаться.

Не стал бы я на его бейцы покушаться.

Нужны мне его бейцы!

Это всё Ельцин.

БОДИ-БОГ.

Какие бейцы?

ИАКОВ.

Ну, кокануты, если Вам так нравится.

БОДИ-БОГ.

Какие ещё кокануты?

ИАКОВ.

В которых прячутся птенцы.

БОДИ-БОГ.

Птенцы?!

ИАКОВ (*теряя терпение*).

Ну, яйца, Отче, яйца! Мужские атрибуты.

Имеют их и жеребцы.

БОДИ-БОГ (*недоуменно пожевав губами*).

Ну, сиречь так.

Мы судим справедливо и законно

Раба клеймёного, царя на троне,

И умника и вахлака

В согласии с Небесным УПК...

(Боди-Бог щёлкает пальцами,

появляется ангел-слуга. Иакову).

Ступай в покой для гостей.
С дороги надо отдохнуть.
Рекомендую лунный душ принять
И, елико возможно, подремать.
(Ворчит, провожая).

Учти, рабам лукавым встарь
Кровавили плетью ребро.
Это уж Я, гуманитарий...

ИАКОВ.

Ты, Отче, толком разберись,
Тогда дерись.
У нас в России президент отmaterит,
Послушает – простит,
А там, глядишь, за стол мирком-ладком посадит.
Ну, в крайности, отвесит подзатыльник.

БОДИ-БОГ.

Поговори Мне... собутыльник.
(Иаков уходит в сопровождении ангела. Боди-Бог, глядя вслед Иакову, с сомнением качает головой.)

Ишь ты как... бейцы!

С чудинкой мужичок.

А так и рост, и на лицо...

Дедушка у него не промах был,

Не промах, видно, и внучок...

Появляется Люцифер.)

ЛЮЦИФЕР *(тревожно).*

Отец! К нам, обойдя режим,
Парадной лестницей вломился аноним!
Он или важный чин,
На обязательные процедуры кладущий плешь,
Или какой-нибудь погибший во грехе
Не зарегистрированный леший.
Во всяком случае, пневмодетектор
Не прочитал его психе!

БОДИ-БОГ (*пожимая плечами*).

Подумаешь, скандал!

ЛЮЦИФЕР.

Поймите: Некто душу не зарегистрировал!!!

БОДИ-БОГ.

Чай, сканер отказал. Они такие своенравные...

ЛЮЦИФЕР.

В том-то и дело, что детекторы исправные!

БОДИ-БОГ.

Я только что беседовал с твоим Иаковом.

Он оправдался полностью, вот так!

Молодчик, по-моему, страдает недосыпом,

Эпохи путает, порою зависает.

Но в основном неплох.

Умён и хладнокровен, в обиду не даёт себя,

Нахальством смахивает, кстати, на тебя.

Но держится достойно, без лишних антраша.

Как бы ты с ним, тетеря, не оплошал!

(Усмехнувшись.)

Понравился он Мне...

ЛЮЦИФЕР *(удаляется, бормоча под нос).*

Посмотрим, кому быть в дерьме!

ЗАБОТЫ АПОСТОЛА МАТФЕЯ

(Дворик Лестничного храма. Боди-Бог прогуливается с загорелым,

благообразным апостолом Матфеем. В руках Матфея сандалии Боди-Бога.)

БОДИ-БОГ *(улыбаясь).*

Матфей! Ответь Мне спроста.

Ты обувь носишь вслед за Мной

По райским благодатным росам

И обуваешь, когда Я в аду врачую зло.

Ты нужен в этой миссии зело.

Но ещё более необходим ты Мне,

Как сборщик фактов и знаток людского быта,

Как есть ты в прошлом искушённый мытарь.

Скажи, как на духу еси,

Что делается на Святой Руси?

МАТФЕЙ *(пожимает плечами).*

Не просекаю, Промыслитель,

Чего Вы от меня хотите?

БОДИ-БОГ.

Ты обувь носишь – и носи.

Ты о Руси Мне доноси!

МАТФЕЙ (*скучно*).

В земле обетованной
Шмули базарят зря,
С арабами Ерусалим межуют по старинной линии.
Шииты и сунниты при старом деле:
Друг дружку коцают,
Шииты ошизели, сунниты посинели...
Ярятся ефиопы в Абиссинии...

БОДИ-БОГ.

Не надо Мне про Абиссинию!

Благие ль вести из России?

МАТФЕЙ (*мрачно*).

Нету благих известий.
По донесениям волхвов,
Народ крещать желает олигархов.

БОДИ-БОГ.

Что? Иудеи и магометане
О православном возмечтали сани?
МАТФЕЙ (*опустив голову, хмуро*).
Я сколько раз Тебе, Отец, докладывал
О русской заварухе.
Там обстановка нездоровая.
Да Ты слова мои пускаешь между ух.
(*С нажимом.*)
Крещать хотяще олигархов батогами!

Негоже действуют магнаты...

БОДИ-БОГ (*насупясь*).

Чем занимаешься порато?

МАТФЕЙ.

Как это чем?

Пока Ты души изучаешь,

Прощая еретические ряпалы,

Я, Отче, меры упредительные стряпаю.

Лжепроповедники в миру восстали!

Тобою тварям данную свободу, комфорт, уют

Немощью старческой Твоею объявляют.

Бог, дескать, ныне – бад.

Всем друг и брат.

А мы – святые и пророки –

Назначенные Им гомеопаты...

БОДИ-БОГ (*сокрушённо*)

И ты. Брут!

МАТФЕЙ.

Бог, дескать, грешных не калечит,

Как в прошлые года,

А только издалече лечит.

Сокрылся, самоустранился,

Во ипостасях затаился,

Короче, хорошо устроился!

Когда-то Ты благоволил одним евреям

За их к Тебе упорство.

А ныне всем подряд потворствуешь.
Только вернейшие Твои адепты
От сердца чистого
Благословляют Абсолют,
И то с промолвками ежеминутными,
Не так, как прежде: беззаветно,
И в одиночку и прилюдно.
А лихоимцы и любостяжатели
Народ тем временем прельщают,
В теурги рвутся,
Того гляди до Эмпиреев доберутся!
Нам надо, не теряя дня впустую,
Продумать оборону круговую!
Да не зевать,
Хотя бы на ночь Эмпиреи запирать!
БОДИ-БОГ (*скрывая усмешку*).
Скажу тебе, отец, без горечи и без улыбки:
Народы Меня знают, помнят, любят...
Пускай не шибко.
Вера в бога конкретного
И временна и преходяща
И веру омертвляюща.
Вера же в Бога, как такового,
И вечна и животворяща...
(*Помолчав.*)
Так, значит, оборона? Ну и дела!

МАТФЕЙ (*тревожно оглянувшись*).

Сегодня поутру, ночная ещё стояла мгла
И третий только прокричал петух,
Учуял я на Лестнице отвратный дух.

Так пахнет Сатана,

Прельститель и отец греха,
Любостяжатель и бандит.

Его слуга, антихрист, к нам приблизился
И при дверях стоит!

БОДИ-БОГ (*усмехнувшись*).

Это Исида Меня мучила,
Елей пузырила вонючий!

Мочила мне власы, прижав к груди упругой,
Едва Я вырвался из цепких рук супруги.

МАТФЕЙ.

Причём парфюм и Светлая Исида?

Душным козлом несло и мокрой псиной!

И вот ещё: лукавого опоек,

Как собственное, излагал не им пережитое...

БОДИ-БОГ.

И в этом тайны нет.

Ко Мне

Без предварительных известий

Явился кто б ты думал? Крестник,

Верней, праправнук крестника Иакова,

Известный русский деятель, однако.

Он Люцифером привлечён к Суду,
Свил Люцифер ему смертельную уду.
Читал Я обвинительное заключение, слепил глаза,
Не раз невольная мочила их слеза.
Иаковом задумал опровергнуть Люцифер –
Не менее не более! –
Мою «Теорию Юдоли».
Душа Разумного, дескать, не знает эволюции,
А совестью грешит произвольно,
Как юноша – поллюциями...
Ещё чем срочным занят, брат Матфей?

МАТФЕЙ.

Как это чем, мой Авва?!

Ты поручил мне прописать

Регистры Братства.

Сейчас строгаю пункт устава

О запрещении предательства и святотатства.

БОДИ-БОГ.

Не мог бы ты секретарём побыть в судебном заседании?

МАТФЕЙ.

Напрочь испорчу обоняние!

Антихристом живым от Твоего Иакова разит!

БОДИ-БОГ.

А ты фетор-то нарочито не лови, левит!

МАТФЕЙ.

Кто держит сторону козла?

БОДИ-БОГ.

Защитничать назначена Исида.

Однако, Мать на прокурора лишку зла.

Женская стопудова ненависть.

Исида привередна.

А Мне необходимо нечто среднее,

Не рай, но и не ад,

О что я мог бы опереть Всевышний взгляд...

(Матфей в знак согласия отвешивает чинный поклон.)

Боди-Бог зевает и сокрушённо качает головой.)

Не выспался. Всю ночь Мне снились гуси, слышь?

МАТФЕЙ.

Ну, значит, полетишь...

(Матфей отвешивает чинный поклон.)

МИНУТНАЯ ГОТОВНОСТЬ

(Зал заседаний Храма Суда. Служители, торопясь, таскают кипы

документов, сгружая их на судейский стол, вносят на носилках

тяжёлый алюминиевый бочонок.

Появляется Матфей.)

МАТФЕЙ *(строго).*

Секретари и приставы, что с явкой в Суд?

Доставлен ли в присутственное место ответчик-плут?

Предварена ли адвокат Исида-Мать?

В готовности ли прокурор,

Зачинщик смуты, демон гордый?
Где потерпевшие? На том они ещё
Или уже на этом свете?

Извещены ли должным образом
Эксперты и свидетели?

СЕКРЕТАРИ И ПРИСТАВЫ (*наперебой*).

Богиня-Мать заступница

С заоблачных стремится сфер.

Из ледяного кратера Аида

Спешит почтенный прокуратор Люцифер,

Дела оставив на своих приспешников,

Срок отмотавших грешников.

Явился самоходом подсудимый.

Эксперты оповещены, отец родимый.

Касательно же потерпевших –

Ивана Святогорова, или Совка, и сына его Рашки,

То обнаружилось, что сын с папашей –

Не два физических лица, а 240 миллионов лиц –

Юнцы, мужчины, старцы и девицы.

Их решено не дёргать в Суд,

Поскольку, восходя по Лестнице,

Они затопчут всё и заплюют.

По выборке случайных чисел

Опрошены Петры, Ивановы, Марьи и Анисьи...

МАТФЕЙ.

Что дал опрос?

СЕКРЕТАРИ.

Премного всем довольны, босс!
Рождение детей, правда, скукожилось
За десять лет в два раза,
Такой у россиян случился казус.
Да смертность вдвое поднял, якобы,
Который при царе Борисе обитает Яков.
Опять же, говорят, хотя он,
Как бы сказать по-русски,
Густопсовый жид,
Но больше кислорода остаётся тем,
Кто, слава Богу, жив.
Добавили вполголоса, что слово это – жид –
Начальство вякать не велит.
Это, мол, всё равно что за трапезой
Воздух портить.

МАТФЕЙ.

Есть заявления и пожелания?

СЕКРЕТАРИ.

Особых нет. На ветерана Святогорова окрысились:
Зачем в 17-ом году в пропащем деле
Принял, дескать, участие?
Отсюда все напасти.
Ивану следует за это, дескать, дело.
Вот только очень уж Иван спал с тела.
А так живут, сказали, хоть бы хны.

Одно что – по подъездам размножилось шпаны.

Да царь, не углядели, скушал белены:

Танцует на глазах у всей страны.

Хороший царь, свой брат –

И пьёт, и демократ!

Но, честно говоря,

От пьяного царя

Не ждут особой прибыли.

Изрыли, дескать, сами для себя

Провал погибели.

МАТФЕЙ (*важно*).

В процессе надо обеспечить объективность,

Закона строгую фригидность,

Добиться непосредственности, устности и гласности,

При этом государственной не подрывая безопасности...

СУД ИДЁТ!

(Открываются центральные двери зала заседаний. Входит Боди-Бог. Он в пурпурной до полу мантии, украшенной золотыми застёжками, увенчан лавровым венком, в правой руке Его – скипетр, на конце которого кадуцей, знак древа жизни, в левой – толстый свод «Небесного УПК». В правых дверях появляются Мать-Исида и Люцифер, в левых – сопровождаемый двумя приставами подсудимый Иаков.)

МАТФЕЙ (*возглашает нараспев, водя пальцем по лежащей перед ним бумаге с текстом*).

Встать праведным и грешным!

Послушным роем
Слетелись вы в Присутствие святое.
Безмысленные оглашенные
И лицемеры скверные,
Все одна
Ответите за помыслы никчёмные
И зряшные дела.
Невинные бараны, валухи и ярки
Пойдете в рай степенной чередой,
Где обретёте Благодати чарку,
Свободу и покой.

А козлиц нечестивых,
Вселенную хотящих потрясти
И рыночные блага обрести, –
О них я не тужу! –
Ко Дьяволу и гнусным аггелам его я лично провожу...
ЛЮЦИФЕР (*поднимает вверх указательный палец*).
По высочайшему распоряжению,
Чтобы поднять прогресса тонус,
И рай и ад
Отныне общий получили адресат –
Вечного Братства Конус.
Идёт переселение
Небесного и преисподней населения.

Без разбирательств сложных

Приходуем тупиц и гениев,
Невинных и осторожных
И лечим Благодатью равномерно
И праведников и отступников неверных.
Я – новой стромы комендант,
Прошу не забывать, благой иерофант!
МАТФЕЙ (*Люциферу негромко и гневно*).
Не путай процедуру, Сатана!
Я с вашими реформами уже сойду с ума.
(*Обращаясь к Боди-Богу, то и дело сбиваясь
и вода пальцем по строкам текста*).
Судья и Вседержитель полномочный!
Зевес, Перун, Амон и прочая,
Вселенной Промыслитель,
Небес и Геи устроитель,
Всепроникающей науки око,
Анализа и синтеза резец и кочедык,
Провозгласивший мракобесию кирдык.
Всеипостасный труженик,
Творец-многостаночник...
(Прошу пощады за возможную неточность!),
Боже обрезанных и необрезанных,
Изведавший любовь святую горнюю
И ненависти мрачной бездны,
Сам же который любишь всех равно,

Будь славен Ты и ныне, и вовек, и присно!

Купно приветствуем царицу небесную Исиду-Мать,

Невольную предстательницу вора,

И – тьфу! тьфу! тьфу! – змеюку-прокурора!

(Люцифер довольно кланяется.)

Поскольку ябеды, Лукавым воздвигаемые, препохабны,

То, безусловно,

В речах возможны обороты сквернословные.

А потому мы вводим исключительную меру:

Режим Суда – закрытый: in camera.

(Матфей заканчивает вступительное слово, облегчённо

вздыхает

и отирает лицо платком.)

БОДИ-БОГ *(Матфею с улыбкой).*

Недурно излагаешь, отче.

Особенно насчёт многостаночника!

(Судья усаживается за огромной кафедрой, снимает с головы и кладёт на стол рядом с УПК и скипетром лавровый венок и вооружается молотком. Матфей занимает стол секретаря, Люцифер и Мать Исида – столики прокурора и защитника. Перед кафедрой Судьи – скромная трибунка для ораторов. Иакова препровождают в загородку для подсудимых. Дверь загородки открыта. Иаков потрясён торжественностью обстановки и суровым видом Люцифера. Люцифер в чёрном блестящем плаще, из-под которого выглядывает малиновый камзол. На чёрной тирольской шапочке

с петушиным пером, которую он снял и положил на стол, поблёскивают небольшие лаковые рога.)

ИАКОВ *(прерывающимся голосом – подошедшей Исиде).*

В душе кумранского ессея

Денница ужас не посеет!

Мы не таких антисемитов-говорков

Скрижалю Моисеевой сшибали с бугорков!

ЛЮЦИФЕР *(раскладывая на столе бумаги, весело).*

Ты, парень, лишку не борзей.

Известно нам, каков ты Моисей!

Я на твоём бы месте, чем зевать,

Молил о снисхождении Богиню-Мать.

ИСИДА *(она в облегающем тёмном платье, в белом льняном шарфе, повязанном сложным узлом, с позолоченными рогами коровы и сверкающим солнечным диском на головном уборе.)*

Я – Мать-Богиня, Светлая Исида,

Семита бедного исчадью тьмы не выдам!

(Люциферу.)

Я не страшусь тебя, верзила,

Какой бы неприятностью мне это не грозило!

(Иакову.)

Мужайся, Яков, прочь боязнь!

Нет благородней адвоката цели,

Чем проводить влекомого на казнь.

Чтоб поддержать в душе уверенность,

Подпишем генеральную доверенность...

(Иаков внимательно читает поданную Исидой бумагу.)

ИАКОВ *(отрывая глаза от доверенности).*

Как странно, что я здесь...

Скажите, Мать, а вы не симулякры?

Вы мне не снитесь?

ИСИДА.

Поторопитесь.

НАСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИ-ИСИДЫ

(Иаков подписывает доверенность. Прикладывается вначале правой рукой,

потом перекидывает ручку в левую руку и ловко расчёркивается под документом).

ИАКОВ.

Какие будут установки, Исида-Мать?

ИСИДА *(тихо).*

Не криводушничать, не лгать.

Во-первых, лгать напрасно,

А во-вторых, опасно.

Ещё одно...

(Приблизив губы к уху Иакова, оглянувшись).

Судья имеет, как бы сказать, пунктик.

Идею...

Оригинальную...

Касательно всех вообще людей.

Я не берусь судить, насколько это гениально,

Но этим занят он все дни...

ИАКОВ (*нервно*).

Не мни!

ИСИДА (*посмотрев на Иакова с недоумением*).

Судье далось, что в человеческой трамбовке

Душ происходит самосортировка

По их разумности, по отношению к греху.

(Я говорю с тобой, как на духу!).

Такой уж у Него мираж...

ИАКОВ.

Нормальный бракераж.

ИСИДА.

Он выделил три сорта душ,

В Истории блуждающих:

Растительные, чувствующие и рассуждающие.

У вас в России души сплошь растительные,

Вскормлённые на постных щах.

Он их зовёт вегетативами, разгневаётся – овощами.

Но я бы их звала детьми.

Что делает дитя, пропав в лесу?

Плутает поперёк и вдоль,

А толку ноль.

Иное дело – души европейские, заматерелые, двуполовинчатые,

Коктейль ума и чувств.

(Хотя эмоций, честно скажем, малость.

Сам как-то говорил о европейской одичалости.)

Попав в дремучий лес, что делает rationalis?

Не плачет, не рыдает,

Он данные о лесе собирает,

Сверяется с «Законником», с «Судебником»,

Не молится, не ноет,

Понадобится, лесника, тропы не обустроившего,

В казённый дом закрое.

Меж овощем и знатоком законов, как переходное звено,

Судья поставил чувственную душу –

Меж нежным детством и прогорклой старостью,

Ну, как бы юношескую,

Кипящую надеждами и страстью,

Бурлящую геройством, чуждую реальности,

Он называет это сенсуальностью...

Он души бесконечно взвешивает, щупает и мерит.

Я в эти Его грёзы не влезаю,

Как всякая жена, супругу верю.

Но, думается мне, вопрос и проще и сложнее.

Вы с одного конца очеловечиваетесь,

С другого с той же скоростью свинеете...

ИАКОВ (*согласно кивает*).

Проблема девственная.

Завалы душ не разгрести.

Война всех против всех

В любом лесу естественная.

ИСИДА.

В лесу?

ИАКОВ.

В тайге, в саванне, в джунглях – нигде не терпят хилых.

За смерть Патрокла мстит дружок Ахилл,

Он на ура приканчивает Гектора.

Отец Приам, перед Ахиллом не имея блата,

Напрасно молит: выдай тело, гад!

Ахилл в ответ только рычит...

ИСИДА.

Как полагаешь, почему?

ИАКОВ.

Ахилл – бугор, авторитет,

А Гектор – фарт, добыча.

ИСИДА.

Так и скажи об этом к месту Судие.

Творец в тебе не видит пса, шакала.

Ты для него рационал.

Он утешается приятным сном.

Нам нужно убедить Его в обратном...

ИАКОВ.

Назваться псом?

А что потом?

ИСИДА.

По фактам дела,

Которое я бегло просмотрела,

Ты суть дикарь.

Тебя в Европе так чествуют.

А здесь за то же самое простят.

Ты просто перейдёшь в иной,

Не столь ответственный разряд.

ИАКОВ (*задумавшись кивает*).

Случалось мне на наших стрелках

Изображать братка,

Как бы немного не в своей тарелке.

Как если бы я был слегка контужен

И с головой недружен...

Я, Мать, порой умею

Не хуже Гамлета нести загадочную ахунею!

ИСИДА.

Смотри, Гамлет, по месту.

Судья, хотя и прост,

Но заподозрит запросто, артист,

Что ты намеренно несёшь не в лист.

ИАКОВ.

Да я уж подпустил стебло,

Как разбирали мы моё

Со стариком Иаковым родство.

ИСИДА.

Не балуйся с огнём.

Всевышний с шулерами не играет.

Но канделябр всегда при Нём.

ИАКОВ.

Усёк. Должно быть всё прилично:

Как говорится, бизнес и ни грамма личного!

ИСИДА.

Еще запомни: многословный идиот

У нас считается глупее лаконичного...

БЕЗ БОГА И ВНЕ БОГА

(Боди-Бог щёлкает пальцами, подзывая Люцифера. Лю-

цифер подходит

к судейской кафедре, почтительно наклонив голову.)

БОДИ-БОГ.

Пока они секретничают...

(Кивает в сторону Иакова и Исиды.)

Мы договорим.

На чём вчера остановились?

ЛЮЦИФЕР *(обиженно).*

Мадрид... костры... Тулуза... дыбы... Рим...

На том, что Ты, Отец,

Блюдя нейтралитета своего традицию,

Позволил просветителям прихлопнуть инквизицию,

Святым отцам, бодрившим матушку Европу,

Надрать, ну, эту самую...

Как бы литературно выразиться...

Прости, Господь, холопа!

БОДИ-БОГ (*назидательно*).

Не мучайся, схлопочешь грызь.

И выражать не стоит

Невыразимую литературно мысль.

ЛЮЦИФЕР.

Поставил Ты, меня прости,

Отцов-иезуитов на четыре кости,

Провозгласил свободу плоти

И титл себе присвоил Бога-Body.

Де – отдых населением заслужён!

Я понапрасну глотку драл лужёную,

(Люцифер щелкает себя пальцем по горлу.)

Молил: потом! потом!

Мы с Торквемадою обменивались опытом.

Да разве вам с Исидою докажешь?

«Люци, не будешь слушать, мы тебе покажем!»

БОДИ-БОГ.

Ну, и?

ЛЮЦИФЕР.

Давно хотел я, для примеру,

Поколебать в тебе, Отец, в прогресс слепую веру.

Чтоб Ты пощупал и понюхал сам типичную

«Продвинутую» личность.

При Торквемаде данный Яков,

Боясь по полной дюлей огрести,

(Люцифер кивает в сторону Иакова).

Ходил бы с чистой совестью... почти!

Отцы святые, точно псы,
Нам стадо грешное пасли.

Конечно, кнут, конечно, казнь,
Зато – сердечная богобоязнь!

А ныне, получив законы, суды, благоустроенные зоны,
Твои, Благословенный, фавориты,
Тебя умаслив,

Сложили Богушку в золотенькие ясли.

Знай, ложь на ложь нанизывают,
Лукавого облизывают.

Я весь, прости Господь, в слюне...

(Брезгливо осматривает свой чёрный блестящий плащ).

О! Тошно мне!

Остерегал Тебя Фёдор Михалыч:

Устроится двуногий без бога и вне бога!

А ты одно своё: Люци, Разумного не трогай!

БОДИ-БОГ *(наставительно).*

Не раскисай! Ты на работе,

Ты будь велик в служеньи плоти!

Да ты же знаешь, почему великого Я инквизитора,
Которого нам Фёдор расписал,

Призвав, поставил раком: дурак он!

Я, видите ли, дураку ему, когда Я землю

В рабском виде с экскурсией последней посетил, –
Мешал. Он так и заявил.

То есть мешал живую жучить плоть
За им же выдуманный грех!

Ну, не потеха ли?

Он именем Моим творил обман,
Зловредный старикан!

(Боди-Бог замолкает и хмурится.)

Послушай, Люци, заклинаю всем дорогим тебе:

Не говори при Мне «двуногий»!

Душа Разумного неисчерпаема и бесконечна.

И не при чём тут его ноги...

*(Боди-Бог поднимает глаза горе
и бьёт судейским молотком по столу).*

Ну что ж, в составе полном Суд.

Никто не скажет, что на Небесах

Процесса уголовного не чтут.

(Люциферу.)

Жужжишь, как муха в ухе.

Твои слова Мы оставляем без последствий.

Заканчивай с легендами и занимайся следствием!

ПЕРВЫЕ ПОКАЗАНИЯ

ЛЮЦИФЕР *(зачитывает обвинительное заключение
монотонно, без пауз).*

Как установлено дознанием,

Без угрызений совести

И духа колебания,

Примером взяв известную ловчилу

Библейскую распутницу Далилу,
Иаков Исааков Фридман
Вступил в преступный сговор
С урлой российских государственных воров...
(Люцифер останавливается и, помолчав, акцентирует.)

Ко-то-рая Ивану Святогорову
(Кличка партийная «Совок»),
Исполнившему честно, между прочим,
Всемирно-исторический урок
И пребывавшему
На честно заработанных вакациях
В стадии средней алкоголизации
Во время отдыха лечебного,
Во сне подкараулив бедного,
Подкравшись к мужичине татем в ночь,
То, что зовут «естественная сила»,
То есть тестикулы, или гонады,
Отсекла напрочь
И вслед за тем означенные части
Тотально удалила...

*(Люцифер отрывается от чтения,
оглядывает слушателей и, не торопясь, продолжает.)*
А следом Рашка Святогоров,
Был оскоплён по праву сильного,
Обобран до белья носильного...
БОДИ-БОГ *(Иакову, который топчется в клетке,*

взявшись руками за прутья, сердито).

Твоя вина, жиган?

Или тестикулы Ивана,

Откромсанные напрочь,

Были протезом, съёмным на ночь?

ЛЮЦИФЕР (*зловеще улыбаясь*).

Рассказывайте, липовый эссеист,

Как вы урезали Ивановы мощи

И бортанули малых сих...

(Хлопает ладонью по стопе бумаг на своём столе.)

Нам важен каждый штрих.

ИАКОВ (*Боди-Богу в замешательстве*).

Отец, какой протез? Кто «малые сии»?

О чем талдычет этот ненормальный псих?!

(Указывает пальцем на Люцифера.)

Вы все здесь помешались

На каких-то яйцах,

Как будто я какой-нибудь кацап!

Вины категорически не признаю!!!

Где я?.. В аду или в раю?..

(Иаков закатывает глаза и пошатывается.)

Исида отрицательно качает головой.

Иаков приходит в себя.)

Ой вэй! Я просто не могу понять,
Что хочет прокурор сказать?
Я брови вынужден на лоб кидать!!!

БОДИ-БОГ (*медленно*).

Когда родился предок твой,
Я, между прочим, народы радовал
Двойною радугой!

А это вам не лазерное шоу,
Всем Космосом гуляли по-большому.
Как ты посмел чужих коснуться гениталий?!
Оспорь немедля обвинений тень!

ИАКОВ (*мечется в клетке. Внезапно останавливается, как бы что-то вспомнив и сообразив, трёт голову руками,*

начинает говорить медленно, подбирая слова.)

Насчёт яиц, как понимаю прокурора я,
Это, конечно, образ, Отче, шуточки, умора,
Чтобы усваивалось легче.

Попробую ответить поточнее...

(*Люцифер довольно улыбается. Иаков, вдохновившись*).

О, правосудия несокрушимый пень,
Услыши вопль Иакова,
Под сатанинскую попавшего ступень!
В компании тузов клятой

Я первым был с конца слугой.

Ну, вроде как при губернаторе евреем.

Скажи, не должен ли лакей,

Без лишних умственных затей,

Себе, презренному, не на халяву и не в дар –

За непосильные труды!!! –

Начислить скромный гонорар?!

ЛЮЦИФЕР.

Конкретней, подсудимый!

Скажите, вы до преступления

Сношались с потерпевшим Святогоровым?

То есть, сносились, общались, входили в связь с лицом,

Коего херили права?

Должны мы, к сожалению, выбирать слова...

ИАКОВ (*выходит к свидетельской трибуне, смотрит в*

глаза Боди-Богу,

напряжённо и медленно рассказывает).

...Совок-старшой, когда одрях,

На выборах мотался должностях.

Любил чайку попить в гостях,

Советский прославлял свинушник,

Идейностью бахвалился бэушной.

На слётах пионерских

Гундел о подвигах и перегибах зверских,

О детстве всхлипывал

С игрушками из липы...

Я больше к сыну-Рашке чалился.

А Рашка-сын горбатился отчаянно.
Сновал в спецухе по стране
(Любил мужик пошлѐндать налегке!).
Сыт. Пьян. Нос в табаке.
Оформлен был на ставке гегемона.
(Тогда ещё не знали,
Что гегемоном должен быть ОМОН!)
Под газ трубу в Германию тянул,
Афганским моджахедам
В составе «батальона мусульманского»
Салазки гнул,
Мостил железку на Амуре.
Романтик и охотник до романсов,
Он там срубил хорошие авансы.
Ломил по совместительству
Механизатором и сталеваром
(Когда – за деньги, чаще – даром),
«Товарисчей» обслуживал кагал:
Садовником, шофером и на кухне вкалывал,
Картофель кучил, розы подстригал,
По разрешенью *на*больших,
В свободные часы стихи о Родине слагал
И в «Современнике» их тискал.
Бывало, и отца ругал (в подпитии ярился),
Проспавшись, с батькою мирился.
Коньяк за шишкарями допивал,

С доски почета не слезал,
Сожительствовал по-граждански с бабой,
Настасьей-полюбовницей,
Бабёшку баловал.
Не думал о своём наследии,
Не разумел, что за него, за Рашку,
Не будь он прост, и собери бумажки,
Пойдет любая сеньорита юная,
Не говоря о дряхлой леди,
Которой до смертинки две пердинки.
Любил принять почтенного отца,
Помыться вместе в коммунальной бане.
Жил Рашка в засыпном пристрое.
(Отец не мог сто лет в хрущёвку или в брежневку
Любимого сына пристроить!)

Коммунистическую Рашка
Любил послушать занимательную сказку.
Совок о забугорных кознях плёл натурально,
О тамошнем житье худом рациональном,
О том, что *за* морем линчуют негров
(Врать был Совок здоров!),
Трындел о космосе, о повороте рек сибирских,
О прочей хрени сущей.
И редко лясил-трясил о насущном...

ПОДОЗРЕНИЯ СУДЬИ

БОДИ-БОГ (*недовольно*).

Запутался Я с русами, похоже.

Совок и Рашка – не одно и то же?

ИАКОВ (*назидательно*).

Совок и Рашка, Отче, соотносятся,

Как род и вид, как общее и частное:

Пастух и свинопас, подстилка и матрас,

Ударный инструмент и тулумбас,

Сопрано и профундо-бас...

ИСИДА.

Скорей, свобода и УДО...

ИАКОВ (*глубокомысленно*).

Рашка, Совок – словарь раба и хама,

Язычника из степи.

БОДИ-БОГ.

Так вы хам что ли, уважаемый?

ИАКОВ.

Ну, что вы, Отче! Я? Нимало!

Так, может, мало-мало...

(Иаков смотрит на Исиду. Исида согласно кивает.)

ИАКОВ (*настраинаясь*).

Хотя... в какой-то степени...

(Исида кивает одобряюще.)

ИАКОВ.

Совок – это, прежде всего, нация, Отец,

Народный дух.

Синонимы: Совковия, Совдепия.

Это также и личность:

Иван Петрович Святогоров,

А ныне Ваня-валух...

БОДИ-БОГ.

Кого же вы кастрировали мало-мало?

Я что-то понимать вас перестал...

С этого места...

ИАКОВ (*с добродушной улыбкой*).

Зависит от контекста!

БОДИ-БОГ.

Однако, ты остроумец.

(*Усмехнувшись.*)

Или... безумец...

(*Иаков добродушно улыбается,*

Исида не отводит глаз от Боди-Бога и хмурится.)

ИАКОВ (*зажмурившись и вспоминая*).

Один поэт, славянофил,

Именовал Совка богатырём Потоком,

Который пел и пил во сне,

Плясал, плодился

И в жизни политической кое на что годился.

Он распевал во сне куплеты

Тысячу календарных лет.

При том, кредито— был вполне способен,

Как тот пупок, который трут,

А он всё тут.

Короче говоря, в одном лице мужик-народ.

По крайней мере, для поэзии –

Обычный ход:

Наглядно и удобно.

БОДИ-БОГ (*раздражённо*).

Ну, хорошо.

Валяйте как Вам угодно.

ИАКОВ.

Что знаю, всё скажу о яйцах и о Святогорове.

Здесь почти все мужчины.

Утаивать фактуру нет причины.

...Братьёв у Вани Святогорова не наблюдалось.

А вот сестёр так называемых 15 было душ.

Он нажил их по службе.

Ой, жу-у-ук, ой, жила!

Шоб я так жил...

Сплошь в молодых годах – бои, командировки.

Орудовал, сапог не сняв, не отложив винтовки.

С кем только не баловал...

Хохлушка Галю у него была, грузиночка Манана,
Армяночка Ярусь и персияночка Вусала,
Какая-то из Минска Зинка.

Случился у него в Прибалтике постой –

И с моря он явился не пустой,

А тоже с названной зарёванной, «сестрой».

А сын, москвич, который Рашка,

Был весь в отца:

Дубинка, это самое, и два крутых бейца.

Я почему о бейцах вспоминаю,

Пришлось мне заниматься в эту пору

Интимным Рашкиным прибором...

Но это к слову.

Кроме «сестёр» и кровных деток

Были приёмышы у деда,

Всё больше недобитки:

Бандеровцы, дашнаки и мусаватисты

И выползки из кочевых кибиток.

Они совками стали ярыми

И выбились в советские бояры...

БОДИ-БОГ.

Жены нормальной не было у деда?

ИАКОВ.

Пока Совок отчитывался в ВЧК, НКВД и КГБ

За все свои отважные дела,

Законная супруга, которую таскали вместе с ним,

Со страху померла.

Переживал. Но не утишил прыть.

То воевать ему «за Родину, за Сталина» давай,

То Днепр, то Волгу с Камою прудить,

То в коммунизм узкоколейку в Магадане строить.

Были у деда и подруги, как не быть!

Иные померли, состарились иные,

Строптивые кобылы фронтовые.

На старости геройских лет

Себе спроворил утешенье дед.

Он звал её своей Кауркой,

А проще выразиться, Нюркой.

Бабец что надо, всё при ней: и ляжки полные...

БОДИ-БОГ.

Отставить! Не хамить!

ИАКОВ.

Как это опять же у поэтов...палы-ёлы...

(Чешет лоб, вспоминая.)

Во! Бунин: лядвиш тяжёлые!

Грудь агроменная и очи,

Что твои фары галогенные в ночи.

И губы-вишни.

Она как бы из терема промяться во садочек вышла.

А может, из шатра монгольского шагнула, едрёна мать,

В российскую тесовую кровать.

Иван Анюту ревновал

И по Союзу на экскурсии не брал,

Держал в каком-то родовом гнезде нечернозёмном –

В Перми, во Пскове, в Костроме ли,

В Козельске или в Мухосранске.

Вот то ли дело бабы иудейские!

Любой Абрам и Моисей

Прекрасно знают: в жизни сей,

Внутри или вовне,

Жена – волшебный ключик мне.

Всё благо входит в дом благодаря жене!

А Нюрка русская

Бабла не может наварить,

Бабло ей скучно зоблить.

Зачем какое-то ей «дело»?

Она как будто чемерицу съела.

К нехваткам ей не привыкать,

Была бы с шишками кровать.

БОДИ-БОГ (*угрюмо*).

Вам Святогоров чем мешал, любезный?

За что братва его свалила в бездну?

ИАКОВ (*выпячивая губу*).

Совался не в своё старик,
Он щёки раздувать привык...

*(Иаков говорит, то и дело поглядывая на Люцифера.
Люцифер, уставившись в лежащие перед ним бумаги,
потряхивает головой.)*

БОДИ-БОГ.

На то он и Совок.
И Я суюсь, покуда Бог.

ИАКОВ.

Всё дело в том, что в старике не иссякала прыть.

А на местах тузам

Самим желалось «сёстрами» рулить.

Приёмшей от Святогорова мутило,

От воркотни его и поучений

Национальное сводило рыло.

А время безвозвратно уходило...

Он дед-то дед, Совок-то он Совок, да у Совка у деда

На выданьи косою десяток девок.

Старинушка болтал о славных битвах,

О стройках века на окраинах Руси.

А между тем, в садах благоуханных

На Западе, и на востоке, и на юге

Выгуливались свеженькие Ганны, Русалы и Яруси

И соком наливались вешним рано

Смуглянки большеглазые Мананы.

Понятно, что тузы сходились с ними, жили,
Не спрашивая дедовскую волю.

Но – исподволь.

Не то что Рашка-псой.

Этот у всех в глазах крутил с Настёнкой Хариусовой,
Такой же, как и сам, босой.

Но каждый местный хулиган, кунак-дашнав,
С улыбкой слушая почтенного Ивана,

Бурчал в усы:

«Ай, в рот тебе банан!»

Ивану бы не петушиться,

Могло бы по-другому порешиться.

Но что же делать, как же быть?

Ребро бесовское имело место быть!

ИНАКОМЫСЛЯЩИЙ ИАКОВ

ЛЮЦИФЕР (*сурово*).

Несёте, дорогой, пургу.

Давайте ближе к сговору!

ИАКОВ (*тяжело вздыхая*).

Я, господа, издавна по России круживал,

Дедов и прадедов Совка обслуживал.

Меня пригрел покойный император Павел.

(Он бы и ныне, полностью сойдя с резьбы,

Отлично Русью правил.)

Как человек я компанейский,

При Николашке сетевые кабаки держал

По всей России Европейской.

Ильич меня ценил, законом строгим охранял.

Иосиф, правда что, немножечко гонял.

Но при Андропове и Горбачёве я снова всплыл,

Как закадычный русофил.

На радио, по телеку – Маркс твою Энгельс! –

Орывал,

К Ремарку Рашку прилучал,

К «Скотному...» Оруэлла!

Раша Иванович меня

В «Листах литературных» читывал,

Где я хульные мысли под хитрым ником ныкал.

За правду, за гулажью дерзость,

С Исаичем и Галичем на равных

Отважным диссидентом почитал.

Частенько с Рашкой толковал я по душе

При включенном на полную катушку *душе*...

И всякий раз, как Рашке избираться –

В Верховный там Совет или куда –

Я за него, за братца,

Руками и ногами агитировал

И всем, что может подниматься!

ЛЮЦИФЕР.

Гал! Гал! Довольно, чать!

Извольте, «диссидент», на следствия вопросы отвечать!

Суду нужны подробности преступной акции –

Ночной Ив*а*новой кастрации.

Как укрепились вы в своём решеньи дерзком,

Как оказался Святогоров

В охотничьем именье Беловежском?

ИАКОВ (*подумав и потянув носом*).

Как совершился путь совковский крестный?

Вопрос, как говорится, интересный...

Они Ивана затащили в Беловежье,

Вроде как на охоту.

Но только, выпив, он им говорит, уняв икоту:

«Вы угощайтесь тут, а я пойду помоюсь да сосну,

Что-то ведёт меня ко сну.

Мотрите, дети,

Казённую посуду не побейте!»

Любил помыться Ваня, заняться за собой уходом.

По молодости было некогда –

То Соловки, то заграничные походы...

Короче, дёрнул старче гранчака

И, уходя, в дверях чеканит:

«Помру, что будете жевать? Друг друга?

Ворюга на ворюге...

Поедете с катушек,

Начнётся бордадьеро, дойдёте до хлопушек.

Замучаете Рашку, вот что обидно, мля!

И звёзды поснимаете с Кремля.

Пиндосы будут их снимать,

А вы всем хором – лестницу держать.

Мои недоработки!

Эх, годики, где ты, былая прыть?

Пора вам, дети, на лесоповал,

Или канал какой-нибудь порыть...»

БОДИ-БОГ.

Выходит, схлопотал себе на самосуд...

ИАКОВ (*пожимает плечами и понижает тон*).

Был точно разговор насчёт посуды.

Ещё он говорил: «Я, дети, не стращаю:

Народ не видит в командирах тщания!...»

МАТФЕЙ.

Кого он, подавальщик, слышал?

Врёт, чай, антитип, как дышит!

(Боди-Бог предупреждающе ударяет молотком по столу и пальцем грозит Матфею.)

ИАКОВ (*злобно*).

Может и так. Меня тут рядом не стояло,

На кухню выходил:

Кравчук потребовал украинского сала,

Шушкевич – бульбы белорусской,

А Ельцин – водочки ведёрко русской.

Такая у него широкая манера:

Душа-де мера.

Ванюша сам их распалил.

Ему никто плохого не сулил!

ВОЛШЕБНОЕ ПИТИЕ

ЛЮЦИФЕР (*Боди-Богу*).

Отец! Я утверждал вчера

И поклянусь на Книгах завтра:

«Инакомыслящий» Иаков

Ивану лично рушил ятра!

Бояре по команде обыкли жить,

Их, дурней деревенских,

И в грановитых залах печные донимали вши.

К тому же они были пьяны в дупель.

Без хитростей Иакова

Им дюжего Ивана

Не получилось бы слепить!

(*Иакову грозно*).

Какое питье ты подносил невеждам,

Когда прислуживал им в Беловежье?

А? Крюк тебе в ребро

Какое зелье подметнул на кухне?

(*Иаков валится ниц перед кафедрой. Люцифер – Боди-Богу.*)

Ишь, как он в ноги, окаянный, бухнул!

БОДИ-БОГ (*заглядывая за кафедру*).

Иаков!

ИАКОВ (*не поднимая головы*).

Вот я...

БОДИ-БОГ.

Блудный сын, обсказывай, как дело было,
Чем обносил пирующее быдло?

ИАКОВ (*поднимаясь с шумным вздохом*).

На грех в кармане у меня

Песочка золотого путалась жменя...

*(Боди-Бог вопросительно смотрит на Исиду.
Исида пожимает плечами.)*

ИАКОВ.

Тельца из золота отлил, как помнишь, Аарон,
Верховный Моисеев жрец.

Но ты на дерзкого прогневался, Отец.

Так я сержусь, когда мою снимают ренту

На рынке акций конкуренты.

По Твоему приказу Моисей уханькал подлого тельца
И золотую пыль рассеял.

Но горсточку песка синайского я, разыскав, просеял.

Кому нужна та *мизерная* горсть?

Но ведь какая стоимость!

«Подай, гарсон!» да «Наливай, гарсон!» –

Какой мне в том резон?

Тут кто-то и шепни мне в ухо ересь:

«Позолоти им, Яша, херес...»

Был, помню, голос как бы женский

И выговор с акцентом, как бы деревенский...

(Люцифер недовольно фыркает.)

Отцу настой женьшеня

Частенько ставила Ревекка-мать.

Решил и я бояр простимулировать,

Напомнить им под коньячок о Моисее и Творце,

О золотом тельце...

Сколько кому, я рассудил, как цеховик.

(Кликуха у меня тогда была: московский Беня Крик).

Сыпнул от всей души развёрстой:

Боярам – по щепотке,

Вождю – с большой напёрсток...

(Показывает толстый средний палец.)

И только я попотчивал вельмож,

Моментом протрезвели рожи...

БОДИ-БОГ *(озадаченно).*

Ты о какой Ревекке? Им несть числа...

О той, что Исааку в Вирсавии

Святых двойняшек родила?

ИАКОВ *(с улыбкой).*

О матушке моей,

Что при Совке на пенсии в Москве жила.

Отец, от века

У нас с Тобой была одна Ревекка!

(Боди-Бог безнадежно машет рукой.)

ЛЮЦИФЕР.

Про матушку оставим трали-вали.

Рассказывай, как мужика заповелевали?

УЖАСНЫЕ ДЕТАЛИ

ИАКОВ.

Я видел всё, воочию.

Мы подошли к Совку глубокой ночью...

*(Иаков перед кафедрой Судьи изображает лазутчика, со-
гнувшись и ступая*

с носка на пятку.)

Совок меж тем окорока отпарил

И, развалясь, в предбаннике кемарил.

Храпел, приняв на грудь, Иван,

То для героя роковой был план.

Тузы вели себя негоже:

Дрожали пальцы жирные,

От страха потные оплыли рожи.

Похожие на чавкающих боровов,

Обнюхивали члены спящего, живот и бороду.

Один совал от корочек шнурки: возьмите, нате-ка,

Чтоб семенные половчей ему перехватить канатики!

Другой гундосил про китайцев,

Мол, чайна, опростав, на место подшивают яйца...

Бугор зело был пьян,

Но полон был решительности злой.

В пример возьмём, де, коптов-христиан,

У коптов так: всё лишнее – долой!

Шары верховного державника открылись,

Едва он золотой отведал пыли.

Неизъяснимой страстью взор пылал,
Хоть на ногах «хирург» едва стоял:
«В ножи его, орёлики, в ножи!
А чтобы, понимаешь, не лягнул – вяжи!!!»
Я остерёг: если гонады вчисть отсечь
Без референдумов и конституций,
Аргументацию сочтёт Европа куцей.
А он: кончай, дескать, базар,
Имай каналью за препуций!
В предбаннике в углу хранились
Шанцевые приспособы.
И, оттолкнув державные особы,
Я, вдохновившись матом,
Ручной садовый предложил вождю секатор.
Я действовал как бы во сне...
(Закрыв глаза, вспоминает.)
Что-то росло и тужилось во мне...
Блеснуло лезвие, щелчок раздался смачный...
(Иаков вкусно чмокает и открывает глаза.)
И по всему составу моему
Прошёл оргазм тугой волной горячей!
(Приходит в себя. Люциферу.)
Ты не гони, начальник, негатив.
Таков был времени императив!
(Боди-Бог пальцем манит к себе Люцифера.
Люцифер подходит к кафедре Судьи, смотрит в пол,

склонив голову набок)..

БОДИ-БОГ (*негромко*).

Ты как-то удивительно спокойно

Выслушиваешь этот бред...

ЛЮЦИФЕР.

Рационалы, сверхчеловеки, сюрреалисты...

Их вера – постмодерн,

Их идол – интернет.

Язык Эзопа в современной упаковке.

Ни йоты удивительного нет.

БОДИ-БОГ.

Что ж, будем говорить на языке Эзопа.

Поймёт ли только нас Европа?

ОПОЗНАНИЕ

ИАКОВ (*гордо*).

Там, в Белой Веже, где игралась драма ента,

Той ночью ошивалась куча референтов,

Помочь желавших шишкатуре Иванушку легшить:

Шахраи, شوхины, бурбулисы...

Я их сумел опередить!

Вождю я ассистировал, я подавал гуманные идеи,

А Шохины боялись получить на завтрак

Жаренных гвоздей.

Они лишь суетились, комсомол...

Да, кстати, занесите в протокол:

Секатор фирменный был, американский...

ИСИДА (*машинально*).

Поступок безмотивно хулиганский...

ЛЮЦИФЕР (*сверля Иакова взглядом*).

Лукавой мысли вырвем жало!

Инструмент чья рука держала?

Вот актик дактилоскопии...

(Выхватывает из папки лист и трясёт им в воздухе.)

Инструмент был чужой,

Да не чужие те, кто Ваню им скопили!

БОДИ-БОГ.

Очнулся ли, когда насели вы, Иван?

ИАКОВ.

Спьяна не внял, зачем с него нательное сдирают.

Поблазнило: шалит Аня-кряля

И бейцами могучими его

Невинное дитя играет.

БОДИ-БОГ (*после молчания*).

А бейцы что?

ИАКОВ.

Мне поручили их свезти на сметник.

На тачке.

Но вдарила гроза, сбежались тучи.

Гром, молния: бряк! бряк!

Отец! Я понял это, как Твой знак!

Добычу в холодильник Росрезерва свёз –

А вдруг на яйца завтра будет спрос?

Сдал по квитанции, как важную поклажу,
Чтобы меня потомки Святогора
Не обвинили в краже.

Контейнер запечатали сургучем –
На всякий случай...

ЛЮЦИФЕР (*с восторгом*).

Он, не марая рук,
Ивана предал мукам!
И, проявив заботу, гад,
О святогоровских гонадах,
Которые оттяпал пьяный шеф,
Ещё и поимел гешефт!!!

(*Хохочет.*)

ИАКОВ.

Позвольте, господа, какой гешефт?
Гонады, бейцы рясные
В Резерве сохраняются прекрасно
Со стратегическим сырьём и продовольствия запасом.

ЛЮЦИФЕР (*грозно*).

Пусть подсудимый опознает,
При этом не впадая в ступор,
Что в холодильнике закупорено!
Пусть Божья на бесстыжие глаза падет роса...
Свергайте крышку термоса!

(*Приставы отвинчивают крышку алюминиевого бочонка.*

Иаков заглядывает в горло и, попросив у пристава его ду-

бинку, шевелит нечто внутри.)

ИАКОВ *(деловито).*

Оно. Моё. Не вру, ей бога!

Подстыло лишь немного.

БОДИ-БОГ *(покраснев).*

А как вы сыну объяснили... Рашке,

Что, собственно, стряслось с папашей?

ИАКОВ.

Я, осеняя крестом животворящим,

По поручению Вождя, по ящику,

Народу изложил,

Как я проблему вижу:

Сослался на предстательный застой

И застарелую коммунистическую грыжу.

Наукой точною установили-де,

Что Святогор надсадил муде,

Подняв земную тягость в пьяном виде.

Грыжа косая, паховая,

Лечили хирургическим путём,

На место выезжала медиков команда вахтовая,

Была проведена мошонки вивисекция,

Живосечение без анальгина и новокаина

По методу японских врачей

Из батальона самурайского 731.

БОДИ-БОГ.

И Рашка твоему поверил блефу?

ИАКОВ (*хмыкнув*).

Я думаю, боялся он, не задали бы самому-то феферу...

Он, Рашка, непутёвый,

Всё на ходу позёвывает.

БОДИ-БОГ (*выпрямившись на кресле*).

Вы оба два преступны, дерзкие!

(*Иакову*)

Ты, сотворивший богомерзкое,

(*Люциферу.*)

Ты, «обличитель», вдохновивший грех,

Ты, пес визгливый,

Лукавый и глумливый!

Это такое дно,

Что даже слов собрать Мне не дано!

Куда вы думаете... мать! мать! мать!

В конце верёвочки бежать!?

(*Боди-Бог откидывается в кресле, трудно дышит и закрывает рукой глаза.*)

ИАКОВ-МЕЛИОРАТОР

ЛЮЦИФЕР (*звонящим голосом*).

О Вечный! О Творец!

Не забывай: Ты – мой Отец.

Конечно, я не авраамлюсь,

Не исааковлюсь и не иаковлюсь,

Но за шулятами чужими не гонюсь.

В Аиде прокуратором который век служу за так.

Люди в глаза мне говорят: мудаки!

Да мало ли чем занимаюсь я от Твоего лица!

Допрос прослушай до конца.

(Грозно.)

Иаков! Поясни Суду, как на тебя слетела манна,

Как Рашку ты обул, сына Великого Ивана!

МАТФЕЙ *(негромко)*.

Козел вонючий...

(Иаков смотрит на Исиду).

ИСИДА.

Выкладывай до кучи...

ИАКОВ.

Я шел в ту пору на подъем.

Мне было 40. Море сил.

Страдал я жором неуёмным,

Я не харчился – молотил.

Вернулись из предбанника.

Несу вино, икру, ботанику.

Они велят, водяры хряснув:

Организуй-ка, Яша, мяса!

Меня и самого, как слазили в ночное,

Смерть потянуло на мясное!

...Уселись, не помывши руки, вокруг овального стола,

Лишь пальцы вытерли о брюки.

Я шницель по-швейцарски подавал.

–Ну что, гарсон, – вождь был в ударе, –

Чай, в пятки у тебя душа ушла?

Не весел ты, я вижу, паря!

Я и заправь ему тогда:

–Вы веру подсекли Иванову,

Совковский культ и дым.

Иван теперь лет двадцать будет чумовым.

Но, рассуждая здраво,

За ним и, главное, за Рашкой,

Естественное остаётся право

На землю эту и на этот лес,

На этот Рашкой возведённый дом,

В котором мы сегодня пьём.

Вы оглушили комара всего-то,

А надо бы сушить болото!

Победу праздновать я бы не стал.

Вы полоснули Ване фантики.

Мошна у вас меж тем пуста.

Вы, русаки, всю жизнь романтики!

Вождь чокнулся со мной в тот час:

–Скажи, коль знаешь, че-ла-эк!

А я: резекция – на час, приватизация – на век...

Ну и пошёл у них аврал,

Державную хозяин речь держал...

Короче, слово за слово,

Как говорится, фаллом по столу:

–Ступай наверх в мой кабинет, запрись, мразота,

Рисуй нам загогулину по осушению болота!

БОДИ-БОГ (*тряхнув головой, как бы прогоняя наважде-
ние, с усилием*).

Когда ты в бане ассистировал бухому рексу,
Тобой руководил рассудок?

ИАКОВ (*подумав и взглянув на Исиду*).

Скорей, рефлекс...

(*Исида одобрительно кивает.*)

ЛЮЦИФЕР.

Кто оформлял бумаги, русофил?

ИАКОВ.

По поручению вождя,

Я сгношил наскороту

Рамочный пакт «Далила».

МАТФЕЙ (*машинально*).

В честь бабы той, которая Самсона оголила...

ИАКОВ.

Не нравится хозяину мой бренд.

Он атеист крутой, не то, что я.

Зовите, говорит, по-нашенски: «Семья».

ЛЮЦИФЕР.

Ответь на тот вопрос, который я допрежде предлагал:

Как ты чернядь российскую до кости обглодал?

ИСИДА (*поднимает руку, обиженно*).

Касательно костей глодания...

Иаков, между прочим, не шакал,

А божие, пока, создание!

БОДИ-БОГ (*нервно бьёт молотком по столу*).

Мы не позволим обвинителю то распускать,

Что прячет он во рту: лизун, лопату или жало.

Выносим вам предупреждение, прокурор!

А если слова будет мало,

И будете вы оглашать святые стены лаем,

Наложим штраф в виде полёта в пропасть с Гималаев!

(*Подозвав Люцифера, тихо.*)

Учитывай: ты – мой советник,

Но Яков, как ни как, внучонок крестника...

ЛЮЦИФЕР (*надувшись*).

В том и печаль, хоть тресни!

БОДИ-БОГ (*строго*).

Ты злом бичуешь зло!

Не кипятись, уравновешен будь психически,

Не забывай о частных обстоятельствах

И обстановке исторической.

Ты в этом смысле у него учись.

(*Кивает на Иакова.*)

Хоть он и паразит,

За всяким словом у него история сквозит.

Он без истории и в туалет не сходит!

ЛЮЦИФЕР (*сердито*).

Бывает. Но не у всех проходит.

ПО ВОЛЕ ВЫСШИХ СИЛ

ИАКОВ (*обиженно потянув носом*).

Слинял Совок, зловредный старикашка,

Мы оголили гегемона Рашку...

Малёхонько в ту пору я надыбал,

Пройдя искательства и униженья дыбу:

Пара имений под Парижем, домик в Майами,

Яхт лёгкая флотилия –

На первый случай скромная идиллия.

В ту пору нас, новых,

Много набежало из углов.

Одних супербанкиров объявилось

Аж до семи голов!

Кто из НИИ, кто из кутузки

И все, что характерно, русские:

Барух (один), два Михаэля,

Авессаломы (трое).

Шесть спорых, шесть успешных.

Да я, Иаков грешный.

Лихое нас взбодрило время,

Первопроходцев мы познали бремя!

Мы по России рыскали,

Как бесхозяйные собаки.

Жестокие случались между нами драки:
То ископаемое мамонта говно
В болотах растеклось и не кроилось ровно,
То в тыщу вёрст плеть газовую
Через тайгу тащили габузом,
Погонной вымеряя четью.
Но четь у каждого своя, известно.
И каждый вопиял: «Нечестно!!!»
Загляды нам открыло Беловежье,
Пошли франклины – не рубли! –
А до того нас все, кому не лень, е...

БОДИ-БОГ.

В Суде не выражаться!

ИАКОВ (*поспешно*).

Хотел сказать: любой нас был способен отодрать,
Нам было суждено в лакеях прозябать.
О, мати-мать!

Отец! Уж если Суд великий грянул,
Прости последнюю из жалких гранул,
Извергнутую из глубин народных
Не прихотью своей,
Но под напором сил природных...

ЛЮЦИФЕР (*рычит*).

Не прибедняйся, раб!

От слов твоих вгоняет в дрёму.

Не гранула ты – гранулёма!

Нашёлся попрошайка!

Ты так и не открыл Суду,

Как затесался в шайку!

ИАКОВ (*пожимая плечами*).

Я вам скажу, мессир:

По воле высших сил.

Я высшими был опекаем силами

С тех лет, как на горшок меня носили.

Я родился в том пузыре непрочном,

Который называется сорочкой.

Ревекка-мать любила ложку золотую

Мне в ротик, по примете, класть.

Так продолжалось лет до десяти,

Пока я ложечку не заглотил.

Она дошла до самого пупка,

Но тут её хирург перехватил.

С тех пор меня татэ Исак дразнил

«Иаковом золотенькое рыльце»

И вилку предлагал в меня заправить,

Известные места помазав мыльцем.

Поздней я векселя клепал пустые от ООО,

Но мне на удивление везло.

Заметил я: во всех делах brutальных

Меня как будто кто наверх волочит талью...

ЛЮЦИФЕР (*нетерпеливо*).

Как у бояр нашёл прибежище?

Как вынырнул ты в Беловежье?

ИАКОВ.

Я говорю: судьба, ферула,
Фортуна маховик крутнула.

Туда был должен ехать кум,
Гофмейстер-метрдетель Наум.

Звонит, мол, Яша, друже,
Я занедужил.

Сыграй шута при руководстве,
Прикинься шлангом, ты могёшь.

Я было отказался:

Подать-убрать... я тут при чём?

Я худо-бедно кандидат наук, учёный.

Они же меня выгонят!

А он: «Ты брюхо подбери, а шею выгни.

Там повар будет наш, Лев Львович,

Подскажет протокол,

Замнёт прокол.

Они нажрут жутко

И храпят под утро...»

Ну, я рискнул.

Они болтали о своём, а я прислушался.

Какой-то анекдотец затравил насчёт жидов

Между закусками и чем-то там горячим.

Так, наудачу.

Понравилось, поохотали дружно.

А там пошло: Яша – туда, Яша – сюда,
Всем оказался нужен...

Клянусь: в предбаннике передо мной
Секатор штатовский клятой
Явился сам собой!

Ведь если бы готовил преступление,
Взял скальпель бы я в исступлении!

А так случайно, как в кино,
Связалось к одному одно...

МАТФЕЙ (*горестно*).

Стоял необоримый Голиаф,
И что же?

Давид свалил его булыжиной
Сумняшеся ничтоже!

БОДИ-БОГ.

На этот раз Давид не силой одолел:
Голыш в затылок Голиафу прилетел...

(*Иакову*).

Кастрат-то как? Отудобел?

ГУМАНИТАРНАЯ ПОМОЩЬ

ИАКОВ.

Для обработки ран открытых я по цене базарной
Доставил помощь Святогороду гуманитарную:

Пузырь кристаллов марганцовых

И вдосыть водки и "Перцовой".

ЛЮЦИФЕР (*ехидно*).

Не растворял ли обвиняемый

В «Перцовой»

Пыльцы золотенькой тельцовой?

ИАКОВ (*доверительно*).

Иван ломался выше сил.

Ладно что я упёртый русофил.

Я в рынок на вожжах его тащил!

Без тех тельцовых крох

Дела Ивана были б слишком плохи!

Не жизнь – назола чистая:

Петь в Риме сопранистом?

Иль евнухом в турецкой бане робить?

Иль валухом в отаре жизнь угробить?

Иль мерином кобылок огорчать?

Или волом на чеках рисовых

Ярмо покорно чалить?

А что статистикам в переписном листе

Укажет он, смешон и зол,

В колонке "пол"?!

Ведь не обманщик он, не плут.

Я – хряк, напишет, или: я – каплун?

Теперь же с чистой совестью, Создатель,

Рисует гордо: *Я – предприниматель!*

Ты сам, Отец, прикинь...

ИСИДА (*машинально*).

Аминь!

ИАКОВ.

Всем было в эти годы трудно,

Здоровым и болезным.

Но трудно жить – полезно!

А там открылась и возможность,

Я подогнал Ивану должность.

Теперь Иван – ай, молодца! –

«Предприниматель без лица»,

Охрану держит по контракту – э-ге-ге! –

Не где-нибудь, а в штабе СНГ.

Сеструх и сына своего старинушка дичится,

Не пишет, не звонит.

Беду на них навлечь боится.

За разговоры откровенные в подпитии

Мы можем и за экстремизм спросить!

С Шушкевичем и с Ельциным,

С Туркменбаши и с Эльчибеем

Иван на дружеской ноге.

Старательный и дельный,

Ворота караулит в богадельне.

Его порой журят братки,

Князя удельные,

За старые недоработки:

То нефтяной заводец недостроил,

Не там бурил,

Не всех почтенных рыл

Полями нефтеносными снабдил...

С ними Иван за ручку и на ты,

Хотя порой мудрит.

Они ему вроде того: «Ну что, герой,

Додавим, брат, имперский гной?»

Иван: «Давите, бога ради...

Вы Беловежский лист подмётный

Ратифицировали, б....ди?!

Вы утвердили протокол?

Нет? Тут у вас прокол!»

Они вроде того: «Батыр, не нудь.

Нам этот протокол заливать – раз плюнуть

В Содружестве ассоциированных лиц

Комплект законно избранных яиц.

А депутатов-вечников, ей-ей,

Да разных членов-трепачей

У нас, сказать на мах,

Как живчиков в мудях!

Иван: «Мне, как батыру без яиц,

Плевать на ваших вечников и прочих сраных лиц!

Сначала проведите вы

Фальшак трёх ловкачей

На съездах членов-трепачей!...»

На съездах нам пришлось действительно непросто.

Мешался Рашка с глупыми вопросами:

«Кто это выдумал?», «Чего хотели?»

Кой-как бузу мы одолели...

...Но в целом Ваня чувствует себя нормально.

Из овощного состояния

Старинушка ползёт в рациональное.

Остался, между прочим, коммунистом.

Вы слышите его сопрано,

Когда народы агитирует Зюганов...

РАШКА НА НОЖЕ

ЛЮЦИФЕР.

Оставьте, подсудимый, ваши люли,

Извольте пояснить,

Как вместе с шалыганом Загогулиным

Вы драгоценное Отечество обули?

ИАКОВ (*горячо*).

Вас, друг мой прокуратор,

Опять несёт куда-то.

Высокий Суд! Друзья мои!

Вот истинный Вам Спас:

Отечество-то я как раз и спас!

(Иаков окидывает присутствующих гордым взглядом.)

В чём фишка святогорова учения,

Которое я объявил обманом?

В заманчивой идее общего кармана.

Это – тестикулы курдючного барана.
Но был и сам курдюк –
Нажитое Совком имущество.

И если с яйцами мы смело порешили
В газетах и речах,

То собственность,

То есть курдюк,

Только обнюхали:

Боялись заработать плюху.

Как ты теорию не гни,

Курдюк-то числился за государством,

В народном пользовании,

То есть за голью!

Мы Рашку вычленили из Совка

И начали мараковать,

Как нам курдюк распаковать?

Тем, кто не знал повадки Рашки,

Казалось, что мужик

Нас батогами разогнать готов,

Как стаю шелудивых псов.
Но мне-то Рашка доверял.
Мы столько с ним годов якшились,
Мы только что с ним вместе
В одной купели не крестились!
...Образовалась партия орлов,
Мечтавшая о массовой эмаскуляции
И холощении всей нации.
Я выступил против идеи шпанской,
Призвав произвести кастрацию
Документальную, гражданскую.
Физическая акция – дело недостаточное:
Экономической вполне достаточно!
Был мною план предложен стратегический:
Курдюк оттяпать чисто юридически,
Порезы тампонировать подачками,
Грошовыми раздачками.
Проект с печатью нашего НИИ
Не сразу приняли в российской тирании.
Прожекты сыпались из рога,
Один нелепее другого.
Звучали предложения
Лоботомировать (!) народонаселение,
Мечтали мужиков репродуктивных, дюжих
Так отутюжить,
А баб рассыпчатых дебелих

Так отделать,
Чтоб навсегда стереть у шельм
Память об общем кошеле.
Предполагалось действовать командой эго,
Батунабегами:
Шарашить по ночам, днём отсыпаться
За каменной со звёздами оградой.
На мелочи спеклась охотников бригада:
Как обездвигить Рашку-гада?
Чтоб доли лобные отсечь от прочих жил,
Надо пройти в глазницу чем-то вроде шила.
Но он ведь, сволочь, дёргается:
Живой! Быть овощем не хочется!
Рацухи разные смотрели:
Нельзя ли вместо шила, оглушив гантелью,
Воспользоваться колом или дрелью?
Майоры и полковники
Мастачили, как у зубного кресла, подголовники.
Один, он отраслью заведовал когда-то банной,
Тела советовал морозить в ванной.
Другой, на страх врагу,
Был склонен применить
Стул электрический б/у.
Гарант рычал, что технология сложна,
Она из области рожна.
А надо сробить с Рашкой

То самое, что сробили с Ивашкой:
Прохолостить мужчин,
Не разбирая возраста и чина.
Мол, мы Союзного Ивана
На части сходу развалили, понимаешь,
А ведь боялись Ваньку вздуть!
А почему не можем Рашке
Такую загогулину загнуть?
Го-го-го-го! Нужон лишь раж!
Ведь Рашка-то Ванюшки слабже!
Я говорю: придётся долго гнуть.
Россию, дорогой, придётся вам
По мужику разваливать,
А их полсотни миллионов.
Когда вы бой с победой завершите?
А водочку глушить?
А в баньке растелешиться?
Зверей когда гонять в лесу?
А докопается международный суд?
А если мужики, не будь дурак,
Отсекнутые части на рынок вынесут
Как нанопродукцию?
А бабы будут зачинать от негров по индукции?!
А что касается лоботомии, типа,
И обращенья рашек в овощи,
Так рашка без того вегетатив.

Вы среди круглых идиотов решили жить?

Напрасно.

Ведь это даже и опасно!

Гарант меня пытал:

–Я в рассуждениях твоих, мразота, вязну.

На этот раз какую ладишь дрызгу?!

Я говорю: всё ту же.

Я для кого на даче в Белой Веже

Над раздербанкою корпел?

Вы поддавали – я потел.

(Вождь мой трактат тогда употребил на стельки:

Один башмак ему давил,

Другой болтался, точно лапоть.)

Бумагу разыскал, разгладил на коленке: «Надоть!»

Читали, правили, слова ворочали, как гири,

И нечто новое в экономическом слепили мире:

Забыли про эмаскуляцию,

Оформили гуманную

Крупнокусковую приватизацию.

Под вопли СМИ и дуроскопа звон

Из липовых баклуш сварганили закон.

Статьи украсили виньетками

И рукавами от жилетки.

Главу об исполнении из жирного состряпали мосла.

Гарантия – локаторы от мёртвого осла.

Надёжную конструкцию –

Основу будущей невиданной коррупции –
Скрепили дыркой от бублика...
Приватизацией и ныне славится
Российская республика!

НОВЫЕ РОМАНСЫ РАШКИ

БОДИ-БОГ (*хмуро*).

Что скажешь далее
О вашей вакханалии?

ИАКОВ.

Мы подарили Рашке
С красивыми разводами бумажки.

БОДИ-БОГ (*хмуро*).

Я спрашиваю о горячем, мать едрёна,
А ты толкуешь о солёном!

Завёл Раша Иванович баланс?

Слагает ли по-прежнему романсы?

ИАКОВ (*торопливо*).

Мне говорят, что лучше бы с молитвою
Благословил я Рашку битую.

Но я его, как друга, не взял на бордаж,

Я только становой ему подрезал тяж.

На эти мелочи глядеть, Отец, не будем.

Мужские причиндалы у него

Не хуже смотрятся, чем у качка,

Если качка поставить в позу прачки.

Пробился в менеджеры гегемон,

В делах с утра до вечера, пижон:
В роскошных шобах на Мосту Кузнецком
Вручную и на тельфере перемещает грузы –
Тут парню не до музыки.
Поизучает так-то рынок,
Да где-нибудь в подсобке,
В подвале под Мостом
(Денюжки шум не любят!)
Сведёт барыш в лопатнике пустом,
А вечером напьется на фанерной даче,
Да разведет гармонь,
Затянет про любовь да про удачу –
Тут барда нашего не тронь!
Я за углом стоял намедни,
Так думал, что растопит мне
Сугроб души и сердца ледник...

ИВАН-ЧАЙ

(Романс Рашки Святогорова)

*Отгорели яблони в саду,
Лист румяный землю заметает.
Я теперь тропинки не найду
В ту страну, где сердце умирает...
Милая, любимая, прощай!
Нищая любовь недолговечна.
На межах курится иван-чай,
Кумачовый тлен на землю мечет.*

*Лишь в осенней темени огни
На проезжей на большой дороге
Освещают прожитые дни,
Сладостные муки и тревоги.
Помнишь ли, родная, белый май,
Как сходились мы с тобой когда-то.
На межах курится иван-чай,
Застилая дымом боль утраты...*

*(Боди-Бог мрачнеет. Исиды смахивает невольную слезу.
Иаков, переводя взгляде председателя Суда на адвоката,
недоумённо жуёт губами.)*

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ

БОДИ-БОГ *(Иакову).*

По-моему, ты перепутал ипостаси,
Смешал добро и зло.

Ты в здоровом ли уме?

В сомненьи Я зело.

Что скажешь Нам хорошего, герой,

Об Анне Святогоровой

И о Настасье Рашкиной?

ИАКОВ *(с жаром).*

Оставьте, господа, сомнения:

Мужчины в просветлённом состоянии,

Просветлены и пассии не менее!

С помощью божией

На знойном страсти ложе

Девицы по ночам хлопочут
А по утрам добытое итожат.

(Люциферу торжествующе.)

Зелёное приходят, сто баксов за визит!

Вопрос о рыжиках у тёлок не стоит.

(Тонем ниже, деловито.)

Но судьбы разные, как номера «Шанели»:

Одна на содержании тасует радостные дни,

Другая поспекает на панели.

Анастасия к Исааву прибилась, русскому поэту.

Они напоминают Фауста и Грету,

Когда жар похоти у Фауста высок,

И Гретхен свой ещё не схлопотала срок...

БОДИ-БОГ.

Какой такой Исав?

ИАКОВ.

(Молитвенно сложив руки.)

Мой рыжий брат, поэт, в делах сердечных ас,

Любитель «баб за баксы».

Всю жизнь он отличался мотством.

Он мне загнал, как древле брату Исаав,

За чечевицу первородство.

Мы в перестройку фарцевали с ним

Тряпьем дешёвым,

Потом – билетами под портиком Большого.

Тогда Отца народов прессовали дико,

Отменно шли билеты на «Эдипа».
Совки гнобили сообща вождя-тирана,
А мы, кто поумней, засохшие расчёсывали раны.
За годом – год, за гадом – гад.
Рождался новый, наш уклад.
Слепил июнь. Гороховицею
Шибала в голову акация...
Исаву шибанула в голову моча –
В писатели он двинул сгоряча.
Шутейно продал мне Исав
За доллар под цветущею акацией
Пакетом собственные акции!
Я стал единственным хозяином компании,
Дела повел с Китаем, Турцией и Данией.
Чай, сигареты, кофе, барахло для спорта...
А после Беловежья пристроил царь Борис меня
В программу нефтяного экспорта.
Его слова забыть нельзя.
Вот, он сказал, друзья,
Достойный перед нами, понимаешь, человек.
Явился в Беловежье он в одной рубашке,
А между тем, прекрасно вёл буйфет.
Дадим ему трубу,
Раз у него другой недвижимости нет!
...Банкротства, рейдерства, аукционы, опционы,
Бюджетных рыжиков вагоны...

Исав же с прибылью остался нулевой
И с огненной лопатой-бородой.
Без денег бедствовал бездельник,
Забыл, как есть и пить от пуза,
И в довершенье бед –
Внимай сюда, жестоковыйный Люцифер! –
Поскольку братец не платил
Любимой женщине порносов,
От автора эклог и стансов
Сбежала муза – Сара Сорокер
С удачливым паскудой-коммерсантом...
Но как-то раз ужален был я мыслью:
Подумалось, а что бы мне лентяю рыжему,
В ту пору промотавшемся в дым,
Не подмогнуть кредитом целевым?
При этой мысли – боже мой! –
Мне боль по сердцу полоснула бритвой:
Ведь с ним моих заёмщиков бы прибыло,
Я бы имел добавочную прибыль!
Конечно, много Савушка не принесёт,
Но курочка по зёрнышку клюёт!
Нашёл его в мурье с какой-то сучкой
И ссуду хулигану сходу всучил.
Он взял кредит прямого назначения
В моей структуре «Бэнк фо секс»,
И ныне сладких дней переживает потрясенье,

Ему бы позавидовал и Зевс!

(Боди-Бог тревожно поглядывает на Исиду.)

Почуя капитал,

Исав воспрял,

Созвучиями звучно забренчал

И тотчас музу новую поймал!

Он – модернист и реформист,

Он иудей с мешком затей.

В поэмах секс увязывает

С колонизацией Галактики,

Ну, а пока с Настасьей Рашкиной

Сексуется в Москве на практике.

С утра за письменным столом, при деле,

Ночами впечатляется в борделе.

В субботу он, шаббат не хая,

Настасью на квартире съёмной пользуется,

Как папику достойно:

Щекотит, щупает и лобызает

И, с места не сходя,

В рифмоидах свободных

Достоинства подруги отражает.

На радио Московском «Эхе» –

Не более не менее! –

Савву за Бродским ставят в очередь

В тусовочные гении.

В особо трудном жанре

Себя, стервец, как Дима Быков, метит:
«Утром – в газете, вечером – в куплете!»
Против него и Лермонтов и Пушкин сам – невежды.
Большие подаёт надежды!

(Иаков ударяет себя ладонью по лбу.)

О! Кстати!

Исав любовный гимн составил
И на века тебя, Отец, прославил.
Прими же, Авва, песнь хвалебную.
А после этого молебна
Втопчи хоть в землю жизнь мою!

АЛЛЕГРО-СЕКС

(Козлиная песнь Исаава, брата Иакова)

*Все в этой грешной юдоли
Плоти друг друга жаждут.
Каждый получит долю,
Цену заплатит каждый.
Фарта мгновенья летучи,
Некогда сопли жевать.
Ты ли, тебя ли дрючат –
Не разобрать!*

–Ты скоро?

–Сейчас...

–Ты в порядке?

–Да-да...

–Ты кончил? Тогда чао!

*Сдёрнем с любви забрало,
Свергнем ее с ходуль,
В море плотской забавы
Смело направим руль!
Бог мой еси, мой рекс,
Фаллосу силу даруй.
Аве, свободный секс!
Аве взасос поцелуй!
Опережай толпу,
Перешибай ораву,
Будь всегда на плаву,
Счастье хабань по праву!
Если не пофартило,
Время задуматься трохи:
Тату на лоне Евы –
Тавро торговой эпохи.
Ева ей! – океан безбрежный.
Ей Адам! – Казбек шапкоснежный.
Фарта мгновенья летучи,
Некогда сопли жевать.
Ты ли, тебя ли дрючат –
Не разобрать!
–Ты скоро?
–Сейчас...
–Ты в порядке?
–Да-да...*

–Ты кончил? Тогда чао!

ИАКОВ *(делая глубокий вдох).*

Авва! С душевной дрожью

Славим Тебя и ликуем!

В уши святы, Авва, нашу вставь аллилуйю!

(С чувством кланяется Боди-Богу.)

БОДИ-БОГ *(скучно).*

Ты, парень, вовсе от разумности отстал,

Ты или перепил, или устал...

ЛЮЦИФЕР *(Иакову назидательно).*

В законном браке секс употребляй.

Ты не свинья и не собака!

Сексующиеся вне брака

Никак не попадают в рай!

Ты лучше сообщи, мажор,

Об Анне Святогоровой,

Которую старик Иван,

Тяжёлых лядвий ради,

Пас на широкой с шишками кровати.

ИАКОВ.

Ну, в этом случае победа полная, друзья мои!

Мы с Ржавым Толиком,

(Такое погоняло у него, он рыжеват,

Как многие иври),

Приватизаций асом,

Анюту вышарили изо всех матрасов.
Из депрессивного Козельска,
А может быть, из Мухосранска-призрака
Явилась девица в столицу,
Готовый кадр для кабака.
Под стенкою Кремля, в правительственном скверике
Прослушала уставных лекций курс
У бизнесвумен, лучших шлюх Америки.
Прошла образование начальное
Вместе с другими кралями
В «Национале»
И завершила подготовку в мастер-классе
На Ленинградской трассе.
Раскрасила и оголила тело,
И так, злодейка, обрадела,
Что на шоссе её не называют иначе,
Как «наша Лошаделла».
ЛЮЦИФЕР (*тряся протоколами*).
Процесс готова, я напал на отказное дело.
Милиция в борьбе со злом
В тот раз производила жриц любви доение.
Вот – Анны упомянутой
Заверенное мусорами объяснение!

ОБЪЯСНЕНИЕ
Анны Святогоровой

(данное во время облавы)

*Когда в последний раз я оглянулась
На дедушки Ивана дом родной,
Невольно на глаза мне слезы навернулись,
А сердце сжалось мутною тоской.
Избу пустую сторожит луна
С плакучею берёзою в ограде.
Я никому здесь даром не нужна,
Красивым место только в шумном граде.
Свободно там, в любую сторону разгон,
Куда посмотрят крашенные веки,
Там знают все единственный закон:
Продайся – будешь человеком!
Но к тем, кто для слепой судьбы постыл,
Нет жалости, а только строгий кнут.
И если телом ты, или душой остыл,
Как грязи ком, брезгливо отряхнут.
Прощайте, кров родной,
И вы, подружки милые!
Иду искать судьбы в чужом краю.
Через ложок, где церковь и могилы,
Похоронила молодость свою...*

ИАКОВ (торжествующе Боди-Богу).

Стиль документа чуете, Ребе?

Играет в Аннушке патриотизм,

Нет и намёка на былой паразитизм.

Отринута идея иждивения,

Прониклась дева к вере уважением

И нежностью к родным могилам.

Так при Совке она душевно не скулила.

Стахановка! В трудах встречает зори.

Всё, говорит, пропляшем и пропъём,

Но флаг не опозорим!

Я, Анна заявляет выложенным охламонам,

Сама буду мужским гормоном!

(Иаков вдохновляется и повышает голос.)

Она права!

И я так рассуждаю, господа:

Каких-то жалких 10 – 20 тысяч бабочек-букашек

Порхало по Тверским при Николашках.

И того меньше их тайком шныряло, Авва,

При менторе Иосифе кровавом.
А ныне их стада пасутся на панелях.
Всяко
Не менее лимона с гаком!
Я думаю, что коли так,

В Сенат запятить надо Лошаделлу,
Как представителя растущего и крепнущего дела!
На что нам робеспьеры и мараты?
И пусть возглавит Анна Лошаделла, господи прости,
Российских политических кастратов!

БОДИ-БОГ (*листает дело*).

Постой, не тарахти!

Я что-то упустил.

Если Анюта кличет Святогора дедом,

Она-то кто ему? Подумай, ну-ка!

ИАКОВ (*неуверенно*).

Наверно, это... внука.

БОДИ-БОГ.

А говорил: подруга...

ИАКОВ

Много людья в Тьмутаракани!

Не знаю я имён и званий.

Может, и внука, может, и дед.

Я не ханжа.

Я свечку не держал.

Мне это, по большому счёту, пофигу.

МАТФЕЙ.

Какая гадость. Тьфу!

А

В

О

W

О

БОДИ-БОГ (*сокрушённо качает головой*).

Ещё у прокурора что-то есть?

ЛЮЦИФЕР.

Заканчиваю, Ваша честь!

(*Иакову, не отрывая взгляда от бумаг.*)

Оставьте, подсудимый,

Ваши сомнительные штучки

И отвечайте без дезухи и порнухи,

Как вы дошли, допрыгались до ручки?

ИАКОВ (*охотно*).

Ав оwo, Господи!

Начну с яйца...

Я, по натуре примитив,

Я суть вегетатив

Что с тыла, что с лица.

(*С достоинством.*)

Но был всегда мой идеал –

Бизнюк-рационал!

(Трёт ладонью лоб, вспоминая.)

...С товарами гонял я караваны
По жарким и не очень странам.
Но было нудно, неизящно
Трястись на бактриане месяцами
Великим шёлковым путем кизячным.
Путь долог и страшна пустыни мгла,
А выгода мала...

БОДИ-БОГ.

И ты всё это помятуешь?
Или тебе об этом предки передали?

ИАКОВ *(вдохновенно).*

В деталях, Отче, помятую, всё – в деталях!

БОДИ-БОГ.

Мудре-е-ец...

МАТФЕЙ.

Он врёт, как очевидец!

(Боди-Бог морщится.)

ИАКОВ *(укоризненно взглянув на Матфея).*

Не по душе мне было и морями шастать,
Мартышкою висеть на стеньгах.
Всё это макес-цорес и отстой,
Короче, геморрой!
Так маялся, пока не озарило: какие стеньги?!
Товар первейший сами деньги!
История полна воителей,

Народов грозных укротителей,
Бойцов кулачных
С могучей пястью, с мордою бурачной...
Я, мокронос, просёк:
Моё оружие не меч и не копьё,
Не пролетарская булыга
И не крестьянское дубьё.
Моя лупара, мой макаров,
Мой штык и мой приклад –
Гроссбух с двойною записью,
Бизнес-анализа расклад.
Меня в тот час обдало потом:
Дошло: без шума и без топота
Возможно быть еще каким Пол-Потом –
Кредитовать болванчиков китайских,
Что за Стеной в садах стрекохут райских,
Развратных греков ссудой охватить,
Надменных римлян, кутавшихся в тоги,
Поставить на прямые ноги,
Стрясти простым процентом нигеров с бананов,
А сложным усмирить зловредных египтян...
Мне надо было точно знать,
Кто сколько мяса хакает под самогон
Среди языческих племён.
И сколько в результате поедания плодов и злаков
Он производит шлаков.

Особенно заботили русеи,
Их бедный быт, напрасный труд.
Сколько русей мог проглотить бы
Простых и сложных ссуд?

И сколько мог бы унавозить пашни,
Вступив со мной в экономические шашни?

*(Боди-Бог недовольно морщится, поднимает молоток
и вновь кладёт его на стол. Иаков увлечённо продолжа-
ет.)*

При этом миром управлять по праву
Мечтал я из дворца со славой.

Не из шатра походного, как Александр,
Не с литерного поезда, как Лев Давидыч сам,
Не с парохода, как Хрущев Никита,
Не с борта лайнера воздушного, как царь Борис,
Где пито, пито, пито!

А сидя дома в Палестине милой
С любезною Рахилью и тошнотной Лией,
Имея, как и Соломон,
Кроме того отару пробных жён:
Моавитянок, сидонянок,
Иудемянок, негусих (для фону)
И стадо знойных дочерей фараоновых...
Я жаждал, Отче, чуда.

Во мне бурлили чувства и кипел рассудок...

ЛЮЦИФЕР *(нетерпеливо)*.

Оставьте женский пол!

Кто был ваш бог или, скорее, идол?

ИАКОВ *(рассудительно)*

Мой фатер, Исаак святой,

В ту пору грамоты не ведал,

Но содержательные вёл со мной беседы.

Он проповедник был не хилый,

Я от него узнал о боге Элохиме.

(Кланяется Боди-Богу.)

Папаша напирал на то,

Что Элохим, и он же Яхве, он же Саваоф –

Наш собственный, мазёвый бог –

Ночами бродит за шатрами без сапог.

А потому обязан я под вечер

Дневной фекалий гадкий

В песок закапывать лопаткой,

Иначе бог почтенный, измазавшись в говне,

Замкнёт в сердцах отверстия во мне.

Тогда-то я, копаясь в собственных отходах,

Задумался о потреблении и накоплении народов...

...Мамэ Ревекка была балэбостэ –

Хорошая хозяйка дома,

Мечтала воспитать и сына-эконома.

Кормила падалицей и грибами старая меня и отче,

Я вечно у неё выпрашивал кусочек.

Что взять с нее?

Слепа любовью сука!

Я помню свой прореженный вихор

И непреклонную мамыши руку.

(Возвьшшает голос, обращаясь к Боди-Богу.)

Кто для меня был идолом, так Ты!

Кого я слушал, так Тебя!

Чьей я гордился силою и статью,

С кем чаял я когда-то...

(Иаков на секунду умолкает.)

...Вровень... то есть рядом встать!

Винюсь, и по утру и на ночлеге

Я шкурные молитвы о съедобном возносил Тебе.

Зато, Отец, Ты, в свою очередь,

Имел отличное жильё в моём ковчеге

(Из дерева ситтим Тебе построил я

Переносной комфортный ящик),

И Ты являлся мне терновником горящим,

С небес солил густую манну – амен! –

Которую я ел, смешав её с грибами.

А то, указывая путь

В текущие сгущёнкою и мёдом страны,

Передо мной столпом бежал туманным...

За всё шалом сказать хочу!

Так продолжалось лет, пожалуй, с тысячу...

(Иаков грустно замолкает.)

РАСЧЁТЫ ПО ДОГОВОРУ

БОДИ-БОГ *(тряхнув головой).*

Ещё вопрос у прокурора?

Суд просит исторических избежать бредней.

ЛЮЦИФЕР.

Вопрос конкретный и последний.

Подсудимый, на гениталиях имея знак,

Галаху вы соблюдали, или как?

ИАКОВ *(вздыхнув).*

Да было бы тебе известно,

О друг мой сизокрылый,

Мироправитель лжи,

Я лишь Законом Моисея жив!

Снедаю исключительно кошерное, согласно перечня:

Орехи, смоквы, злаки, травку перечную.

Вкушаю жвачных с раздвоёнными копытами.

Свиньи же зубом не испытывал:

Хотя копыта у чухни раздвоены, как у овна невинного,

Но жвачки не жуёт проклятая скотина!

(Боди-Богу.)

Меня послушай, Господи, о горе, горе!

С молодых ногтей живу, как саддукей, по Торе!

По договору давнему, вопросов не изобретая вздорных,

Я десятину приношу к стопам Твоим покорно.

Заметь, Отец избранного народа,
Не от лукавой прибыли, но от реального дохода!
(Боди-Бог многозначительно смотрит на Исиду.
Исида понимающе кивает.)

Смекни теперь и то, Сладчайший:
Шаббаты соблюдаю я строжайше,
В субботу даже пальцем я не шевельну.
Когда бы не реле,
Сидел бы я во мгле!

Единого Тебя я знаю Бога,
Хотя бы пустовала синагога.
По осени, на новый год, на Пасху,
Под вой пурги и капель звень
Пою псалмы во благознаменитый день!
Я на мечеть, на церковь и на синагогу
Бабла отстёгивал всегда помногу.
Намедни иерарху Иринару –
Без лишних слов! –
Зелёных триста отвязал кусков!!!

ЛЮЦИФЕР.

Поправка: сто.

ИАКОВ.

Друг мой, как ты пронюхал сумму?

ЛЮЦИФЕР (поднявшись за столиком, важно).

Я – прокурор. Запомни это, умник!

Все твои культовые беспорядочные связи –

Источник аморальной грязи.

(Боди-Богу).

Ответ зачтён-с.

Мы удовлетворён-с.

Мы показанья сверили

И убедились в версии своей:

Кругом злодей!

(С торжествующим видом усаживается в кресло.)

БОДИ-БОГ.

На редкость дело крепко сшито.

Есть ли вопросы у защиты?

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ВСЕВЫШНЕГО

ИСИДА *(Иакову).*

Вернемся к вашим показаниям о боге.

Вы оборвали их на полдороге.

ИАКОВ.

Мне трудно вспоминать этом

Без выделения слёзного секрета,

Без воплей и рыданий, горьких кличей...

Что тут скрывать?

(Обращаясь к Боди-Богу.)

Отец, Ты отвернулся от меня,

Едва забегал я попрытче.

Возможно, мы, заняв Ерусалим

И окопавшись в нём безбедно,

Прониклись психологией победной,

Плодились и молились не вполне усердно
По Моисееву Закону
И вообще давали шороху и звону.
Однако же, когда свирепый Тит
Пришел под стены Храма,
Мы встали под единый щит
И бились, не считая ран!
Зараза, голод, неприятельские стрелы –
Мы всё прошли на страшном том пути,
Сражались, точно львы в пустыне,
И каждый шаг к Иеговой святыне
Враг нашими телами замостил.
Мы бились так, что римский Хам
Возовопил: "Солдаты, стойте!
Тушите пламя, сохраните Храм!"
Но поздно! Римская сандалия
В ковчег Завета засандалена.
Святая скиния пуста,
Кругом – ни одного нарочито горящего куста,
Кругом горело всё взаправду...
Напрасно призывал я Бога правого!
Я звал Тебя, Отец, покуда голос не сорвался.
Поспешно Ты, видать, ретировался...
БОДИ-БОГ (согласно кивая, с тяжёлым вздохом).
Я мыслил узко в тот роковой момент,
Я был нетерпелив в экспериментах.

Я был разочарован в выборе своём, признаться,
А вы мне дали повод сомневаться.
Вы, избранные Богом шмули,
От Бога сами отвернули,
Вослед язычника Ваала устремились,
К наживе сладкой повлеклись,
Осуетились, вознеслись,
Возвысились, разбогатели,
Соделались тучны, жирны,
Вы заболели гордостью и барышами.
В упорстве злых сердец,
Лихвой кабальной ближних жали,
Не говоря об иноверцах.
Лишили нищих справедливого суда,
Провозгласили целью силу и злонравие,
А я вам землю вожделенную отвёл
И в число первенцев своих поставил.
Вы говорили Мне: «В Сионе Господу открыта дверь.
Пиписьки всем кагалом мы обрезали, проверь!
Но ложной клятвой вы клялись!
Вы побежали от Меня, как крысы, вроссыпь,
Как в поле ратники неверные!
И я позволил крепость взять,
Чтоб сжечь лукавой веры скверну.
В ту пору Я мечтой другою был уже обуян:
Предполагал изгнать из Хомо на ура

Валуя, обалдуя и холоуя,

Короче говоря, раба.

Христа проектом был Я занят

Я к выводу пришёл: пиписьки

Можно и не обрезать заранее,

Необрезание вменить, как обрезание.

Я мыслил уже о Христе: дух надо обрезать!

А вы тут со своим Ваалом вылезли опять...

Но что об этом вспоминать?

ИАКОВ (*запальчиво*).

Нет, уж я вспомню,

Какими Ты нас осчастливил «барышами».

Ловите слов моих ушами!

(*Иаков горько замолкает.*)

ОТ БОГА – К БОГУ

ИСИДА.

Мы слушаем. Что было после?

Подробнее отселе!

ИАКОВ (*с дрожью в голосе*).

Известно всем несчастное моё

Жидьё-битьё.

Изгнанник, чужестранец, нищий,

Все не своё: язык, закон, одежда, пища.

Истерзанный, забитый...

За что испанцы мстили нам? А галлы? Бритты?

Подобен льву магометанин Исмаил

И коршуну – Матфей-христианин...

(Секретарь Матфей недовольно хмурится.)

Едва один палач нас оставлял,

Звериную ослабив мотку,

Как тотчас же другой

Железным клювом продолжал

Его веселую работу.

Все эти фердинанды, болдуины, торквемады,

Хильперики, людовики, конрады,

Епископы, аббаты, короли

Мои недостатки кровные гребли.

Обрезанного по закону Авраама,

Несчастливого Авраама

Под страхом сабли и пищали,

Схватив за пейсы, трижды в воду окунали,

Нередко дважды извлекая из купели:

«Благослови, господь, сию макрель!

Не взял Авраама пест –

Возьмет Авраама крест!"

Но как Авраама не крести,

Он всё кричал: "Пусти!".

И, окрестившись, в смелый он вступал дискурс,

Шепча под нос, что не был сыном божьим Иисус!

Перед мучителями лежа ниц в пыли,

Мочили мы слезами клочки чужой земли,

Пытаясь утонуть в чужой траве лицом –

Ведь в эту землю хоронили мы отцов!
И был невыносим наш горький плач,
Порой им даже трогался палач...
Там, на оставленных погостах,
Язык вороньего я понял грая,
Там в Якове Твоем, Отец,
Свершилась перемена роковая.
Как в стае хищных птиц
С листом оливы голубя не знаем лёт,
Так в человеческих сердцах
Премудрость Божья не живёт!
Она лишь вертится на кончике их языка,
Как жалкий щит от рока,
Для оправданья зла и грязного порока.
Твоя Божественная благодать
Давно покинула двуногих свору,
И если возвратится вспять,
То через тыщу лет,
Во всяком случае, не скоро.
Увы, но зверь двуногий,
По-настоящему лишь демона с когтями
Во всемогущем почитает Боге!
*(В продолжении речи Иакова Люцифер
не спускает глаз с Боди-Бога,
следя за малейшими переменами в Его лице.
Боди-Бог смотрит мимо Иакова, сдвинув*

*густые брови, охватив голову ладонями
и незаметно затыкая пальцами уши.)*

ИАКОВ *(с напором).*

Не знаю, сколько надо было раз
Воззвать к Тебе, забывшему Завет,
И, взоры вперив в небеса,
Пустых небес прочесть ответ!
Что тут скрывать? За разом раз Тебя, Отец,
Не мог я обнаружить,
Когда Ты именно был нужен.
Тогда я начал понимать, и раз за разом пуще,
Тебя не как вечное Сущее,
А как сухую оболочку,
Как скорлупу, обмазанную блендомедом,
Как раковину перламутровую,
Беспозвоночным ведомую...

*(Лицо Иакова искажается болезненной
гримасой, он трёт лоб ладонью,
издавая невнятное мычание.)*

Какая-то с тех пор мне часто мнится раковина,
Её скрывает пелена...
Костянка, кажется, просверлена...

БОДИ-БОГ.

Воды и аспирина!

*(Иаков глотает таблетку и запивает её водой
из поданного судебным приставом*

фиала.)

ИСИДА.

Есть ли свидетели твоих блужданий в Бозе?

ИАКОВ.

Я благодарен за прозрение Спинозе.

Мы с Барухом судьбу делили на двоих,

Как и отцы:

Мы оба с Пиренеев беглецы,

Мы оба – амстердамские торговцы.

Мы раковину испытали досконально –

Какой из неё толк?

Поделатъ пуговицы, амулеты,

Иль рог изладить музыкальный?

Представь себе, Отец, Твою серебрянную раку,

Лишенную Твоих святых мощей,

И Ты поймешь сынов Твоих печаль и возмущенье...

(Боди-Бог согласно кивает.)

ИАКОВ.

Ужасный факт утраты Бога был налицо!

Неверия свирепый зверь

Оскалился пред взором гордецов...

Мы плакали и ахали,

Но Барух слёзы лил от радости,

А я – от страха.

Хил телом, духом – Прометей,

Спиноза-острослов

Из первых был rationalisov,
Он был рационалис-гений.
Он веру древнюю потряс,
Он Тору колебал,
Он отвергал пророков наставленья!
Напрасно я пытался охладить великое чело,
К вискам прикладывая уксус,
Он избранность евреев отрицал,
Тебе, Отец, он предлагал
Испробовать их сладкую судьбу на вкус...
Но я не Барух-вольнодумец,
Я зачат и рождён был в Боге!
А потому проклятья другу
Я молча слушал в синагоге.
Когда по приговору ангелов,
По слову всех святых без исключения,
С согласия Тебя, Благословенного,
(Кланяется Боди-Богу.)
Был Барух отвергаем, отлучаем
И предан осуждению...
Пустою оказалась раковина веры.
Но, пережив эксцесс, я принял меры.
Мечта, рождённая в песках Синая,
Росла, мою утробу распирая...
*(Задумавшись, Иаков, закрывает глаза и,
покачивая головой, негромко запекает.)*

Коль правды в мире нет,

И нет суда ему,

Клеймить и бичевать

Придётся самому...

(Трясёт головой, открывает глаза, окрепшим голосом.)

И клялся я отцовскими могилами,

С которых меня гнали враги,

Что я заставлю их купить прощение,

И цены розничные будут дороги!

Вы гоните меня,

Вы запираете передо мной ворота, окна, двери

Лишь потому, что перед вами иудей.

Но я войду в ваш дом,

Вернее, вас я выманю из окон и дверей.

На вашу простоту довольно

Двух-трех финансовых идей...

Я вас заставлю выползти

Из ваших замков, сёл и смрадных городов

На тот простор, где я силен, как бог!

Урод в семье народов,

Скиталец вечный Агасфер

По диким пажитям Истории,

Зерно пшеничное

Меж жерновов великих вер, –

Как мог я в дерзости своей мечтать такое?!

(Торжественно, понизив голос.)

Всё дело в том, что *на мене* Фортуна опочила,
Это она мечтанья горячила.

И вот я неизбежен, неизбывен, я – стихия!
Ныне мечта моя насквозь прожгла Россию.

Невидимым удавом оплелась
Гонимого Иакова всевласть!

(Иаков глубоко вздыхает.)

...Касаемо Тебя, Всевышний, –
Всё устаканилось: догматы, символы, обычаи –
Нет действия лишнего!

Я год разбил на сектора

И путешествую по кругу пилигримом:
День Памяти и Пасха, весёлый Новый год
И День Ершалаима,

Когда я иудеям бедным шлю пару кур,
И, наконец, – день светлый искупленья,
Великий Йом Киппур.

Киппур – наш с Богом сводня,
Его справляем мы как раз сегодня!

И всякий раз я Твоего, Отец,
По-прежнему прошу благословенья,
Клянусь: Ты у меня в почете!

Я жажду покаяния, прощения
И процветания себе, в конечном счете...

МАТФЕЙ *(Боди-Богу изумлённо).*

Он Бога гнал из оязыченной души!

Язычником его и разреши!

БОДИ-БОГ (*задумчиво*).

Послушай, Беня Крик,

Скажи Нам напрямик:

Ты в бога, всё равно в какого,

Хоть бы в языческого, веруешь?

В саму его идею?

ИАКОВ (*подумав*).

Я на него надеюсь.

ЧЕМ ПАХНУТ ДУШИ

(Перерыв в судебном заседании. Опершись локтем о кафедру Судьи, наморщив лоб, Люцифер слушает Боди-Бога. Боди-Бог провожает взглядом Иакова, удаляющегося под руку с Исидой из зала.)

БОДИ-БОГ.

Забавного ты выкопал Мне персонажа.

Я в некотором шоке даже.

Он в самом деле представляет для науки

Определённый интерес...

Как извращение прогресса.

Или он – полное ку-ку...

ЛЮЦИФЕР.

С отменнейшим заметь, Отец, ай-кью.

В нём, полагаю, отражается

Сегодняшнее время скоротечное.

Я думаю, в его лице мы наблюдаем
Конвульсии Живого-Вечного...

БОДИ-БОГ.

Пока одно я отмечаю:

Он белое от чёрного не отличает.

И в то же время, сбросив предрассудков иго,

Такие вот рационалы добились крупных сдвигов...

ЛЮЦИФЕР.

Что именуешь сдвигами, Творец?

БОДИ-БОГ.

А ты тряхни мозгов ларец!

Типичный европейский индивид

Одет прилично, ежедневно сыт,

В охотку трудится, подругу тормошит.

А женщины – сплошь куколки и крошки...

ЛЮЦИФЕР (*сквозь зубы*).

Резвы и похотливы, точно кошки.

Пупок – на выставку, грудь, чресла, ягодицы

У честной у девицы

Прут из любой одёжки!

БОДИ-БОГ (*довольно*).

Про то и говорю,

Разумный смотрится неплохо...

ЛЮЦИФЕР.

Но прежней нет души у лоха!

БОДИ-БОГ.

Душа на перестрое.

ЛЮЦИФЕР.

Дупло! При том – пустое!

Что спит и видит ного Твой,

Дуй Сатана его горой?

Как бы кредита не гасить,

От банка откосить,

Да как набить карман умело,

Халявное зацапав дело?

Какую тачку замаксать,

Как в лучшем виде на тусовке

Себя шкирлам подать?

А бабы думу думают, как им надуть мужчин

И чем намазать морду от морщин.

На вынос секс – любовная бурда,

Где сырость мерзкая осталась от стыда!

В башках – и это в лучшем случае, поверь! –

Бурда из мифов, вер и суеверий.

Всё это кетчупом искусства и науки

Приправлено от скуки.

Жить жаждут в кайф, мечтая, по возможности,

Не допустить перед такими же мажорами оплошности.

Всех высших пожеланий и надежд у них:

Чтоб дети жили не слабее их.

Иаков им пример, картины фокус,

Вроде меня, змей-искуситель властный,
Он для разумных Ваших цимес «першокласний».

БОДИ-БОГ (*поморицивишишь*).

Лучше подумай в совокупности о ситуации,

О независимости информации,

О социальном самоутверждении,

О психотипа нового рождении.

Вот в чём гуманность века!

Разумный, как Я называю Ното,

Он не какой-нибудь неграмотный чалдон.

Из чрева материнского родного он

В подгузники Всеобщей декларации прав человека

Сигает прямиком,

Законы всасывает с материнским молоком.

К 16-ти годам имеет паспорт гражданина

И убеждения свободной личности,

Которая себя сама творит без околичностей!

ЛЮЦИФЕР.

А что, ежели разумный Ваш чалдон

Окажется каким-нибудь Наполеоном

И подкастрирует Закон?

БОДИ-БОГ.

Не надо, дорогой, не надо!

Закон с его невидимой оградой

Действителен для всех и для любого «я».

Разумный добивается упорно,

Гармонии и равновесия,

Вот так-то, бес!

ЛЮЦИФЕР.

Угу, так... едак, едак, едак...

А сам Разумный обо всём об этом ведает?

Хотя бы этот росс?

(Люцифер кивает на клетку подсудимого.)

БОДИ-БОГ *(сердито).*

В том и вопрос.

ЛЮЦИФЕР.

Народу на Земле и в Эмпиреях всё прибывает,

Уж некуда девать.

Пришлось вот Конус

Для пропуска двуногих запускать.

Того гляди на Марс

Придётся души отправлять.

Народец, согласитесь, мелочь, шваль,

Хотя о нём радуете Вы день и ночь.

По-человечески мне Вас, Всевышний, жаль...

БОДИ-БОГ *(свирепо).*

Опять?!

Я же просил тебя в моём присутствии

Не сквернословить!

Вот ты действительно «двуногий».

Двуногий и двурогий.

Ещё разок такое брякнешь, русофоб,

И Я верну тебе рога на место –
С кипы – на лоб!

ЛЮЦИФЕР.

Ну, ладно, ладно, Отче, что Вы?
Пусть будут не двуногие,
Пусть будут новые яйцеголовые.

БОДИ-БОГ (*в сердцах*).

Нам, братец мой, теперь не до битья баклуш.
Меняется среда.

И мы, на Небесах, иной подход должны изобрести
В оценке душ:

Рссудочный, гуманный.

Мы потому и ревизуем ныне ад и рай, чурбан,

Сбиваем адита в один карман,

Сливаем ады и раи в единый институт,

Как бы в какой-то сервитут,

Это тебе не Яшкина с печатью бумаженция,

Не папы римского пустая индульгенция –

Реальная, в миру подмеченная Нами

Назревшая тенденция!

Не забывай: Конусом Братства Вечного

Мы не случайно обозвали новую структуру...

ЛЮЦИФЕР (*перебивает*).

Об этом я могу забыть лишь сдуру.

Я конкурс выиграл подрядчиков,

Фактически объект взвёл и запустил.

Прекрасно знаешь:

Я извёл на Конус массу сил!

БОДИ-БОГ (*успокаиваясь*).

А помнишь, как явилась эта мысль,

И начала нас грызть,

Как семечки щелкает мышь?

ЛЮЦИФЕР.

Однажды утренней туманной ранью

На обработку поступающие души

Вдруг засмердели небывалой дрянью...

БОДИ-БОГ.

Так-так! Но ты не понял

Причину чудной вони!

Мы обнаружили, что анима, душа,

Покрылась чем-то вроде брони,

В ней потускнел Божественный огонь...

ЛЮЦИФЕР.

Я доносил Тебе тогда:

Побудки благородные мертвы!

В натуре – хищники да жертвы.

Одна мечта: как ближнего окормить –

Возврат каннибализма в новой форме!

Поля бессмертия поплыли волнами:

Пустует рай, ад с верхом переполнен

Вонючим прахом...

Я понимаю кое-что в людских сердцах!

БОДИ-БОГ (*вдохновенно*).

От повелений Матери-Природы, через законы Божьи,

К гражданским кодексам и к уголовным тоже –

Таков процесса мирового тренд.

Пусть Небеса лишаются легенд!

Загробный мир классический

Мы обратим в союз демократический,

Куда бы население валило скопом,

Без иерархии грехов и племенной тоски

И душ под Благодать несло порожние кульки.

А ты, матёрый сердцевед, опять ни бэ ни мэ,

С топорною оценкой anime!

ЛЮЦИФЕР.

Ты прячешь истину красиво,

Как прячется в Твоих кудрях вот этот волос сивый...

(Люцифер насмешливо смотрит на благородную шевелю-

ру

Боди-Бога. Язвительно.)

Дайте мне, Отче, доказательства,

Покажите Вашу правоту на практике,

Представьте протокольцы, актики,

А Вы, хотя и не бухой,

Меня паратите абстрактной чепухой!

БОДИ-БОГ.

Не кипишуй, эмпирик-обалдуй.

Спустившись в ад, Я на анализ взял
И через разделитель атомный прогнал,
Подняв вращение в предел,
Душ западных летучий аромат.
Я разложил на составляющие части, сердцевед,
Душ атлантических менталитет.
Тончайшая работа, доложу,
Пробирки Я с собой ношу...
То, что зовёшь ты, малоумный, чепухой –
Это... как бы попроще выразиться...

Регенерат, остаток личности сухой.
Анима европейские, рациональные,
Точнее, их останки,
Сигналят о себе неразложимыми остатками,
Обозначая свой статус...

ЛЮЦИФЕР.

А рашки? А Ваньки и Машки что, не пахнут?

БОДИ-БОГ.

Вегетативы таких остатков не дают.

*(Боди-Бог достаёт из складок мантии пробирку
и приглашает Люцифера взглянуть на содержимое
склянки.)*

БОДИ-БОГ.

В сосуде тонкого стекла
Душа нам предстаёт в разрезе,

В психогенезе.

На дне мензурки – база мирозерцания:

Приватной собственности жёсткое мерцание.

Повыше – красная прослойка в полперста:

Запрет ордалии кулачной

И тайного бессудного ареста.

Поверх – частицы желтоватого оттенка:

Свобода слова, совести, задора уличного

И личная, как правило высокая, оценка.

И, наконец, поверху – плёнка розовой масти:

Надежда на везенье и шальное счастье.

(Боди-Бог гордо смотрит на Люцифера.)

Ингредиенты напоминают по составу пластик,

Они-то и воняют, эти цветные части!

Я о структуре западной души

В «Патолого-психическом журнале»

Научному сообществу намедни доложил.

Готовлю сообщение на Елисейском шизобиенале.

Я получил уже, чем я горжусь, агрессор,

Серьёзных отзывы профессоров –

Пинеля, Ганнушкина, Корсакова,

Которые Меня поздравили с открытием,

Оригинальным наблюдением,

К дальнейшим призывали бдениям.

Кто только не цитирует Меня!

Мне даже в этом уголовном деле

Попалась невзначай... хе-хе!

В развитие Моих идей

Статья об эволюции psyche.

ЛЮЦИФЕР.

Я к делу приобщил, как психоматрицу...

БОДИ-БОГ.

А сам-то изучил?

Освобожусь – приму экзамен в пятницу.

ЛЮЦИФЕР *(снисходительно).*

Ну, кто же дело изучает?

Дела рассматривают, босс...

(Люцифер задумывается.)

Угу... так.. .едак, едак, едак...

А как Ты объяснишь, Отец,

Историю с кастрацией Совка

Мне напоследок?

БОДИ-БОГ *(брезгливо).*

Болезненной фрустрацией.

Я думаю, Иаков на шефа оположил,ся,

Его увлёкся мотивацией.

В душе он не такой.

ЛЮЦИФЕР *(с напором).*

И Ты простишь его, Благой?!

За то, что, видите ли, он рационалис-росс!

Отец, не уходите от вопроса!

БОДИ-БОГ *(недовольно).*

На фоне общей закономерности, мой дорогой,
Иаков – случай единичный и нечаянный.

Для россиян, конечно, роковой.

Как, скажем, революция французская –

Закономерный тренд,

В то время как Наполеон случаен.

Возможно, мы имеем дело

В потоке эволюции

С таинственной мутацией.

ЛЮЦИФЕР.

Суха теория, Отец.

И сами Вы сухарь.

Напрасно тычете под нос Люци

Вашу учёную скрижаль.

Иаков – не чалдон, не лопарь,

Не исключение –

Последнего замеса цивилизованный москаль.

По-вашему, Разумная Божественная тварь.

Вы – теоретик, собственным Учением зашорены.

Я – скромный практик,

Но мне известно, как устроены

Богамско-кипрские офшорины.

Смотрите, Отче, такие Яковы яйцеголовые

Когда-нибудь скучкуются

И башню Вавилонскую, чтобы залезть на Небо,

Затеют сообща...

Нет, нам, богам, с таким народом
Раненько в либералов перевоплощаться...

БОДИ-БОГ.

Хотелось бы ещё потолковать, но время тикает.

Оставим эпизод с тестикулами.

А вот тебе скажу, как лаборанту:

Бог знаний не раздаривает, их приобретают.

И не во сне, а наяву.

Так что заканчивай курить траву!

(Люцифер дёргается, чтобы отойти.)

БОДИ-БОГ.

Один вопрос.

Твой подсудимый как-то странно

Тёплое с мокрым путает.

Ты не находишь, плут?

ЛЮЦИФЕР *(пожимает плечами.)*

У яйцеголовых в обычае такой анализ-синтез.

Но подсудимый он, скорей, не мой, Отец, а Ваш.

Не забывайте, он – рационалис.

БОДИ-БОГ.

Символы, образы – всё валит в кучу с фактами.

Он и на предварительном держался так?

ЛЮЦИФЕР.

Да так же, путался, сбивался.

БОДИ-БОГ *(сердито стучит по столу пальцами).*

Короче говоря, Творец опять попался.

Вот ты сейчас спросил Меня, как дурака,
Насчёт кастрации Совка.

Совка какого? Гражданина?

Или народа?

(Люцифер пожимает плечами.)

Ещё вопрос: ты что Мне в бочке приволок?

Ты знал о том заранее?

Устроил «опознание»!

Эти тестикулы, по-твоему, Совка они?

Или отходы скотобойни?!

Я чувствую: в галиматье тону Я,

Дай, думаю, проверю накладную!

Ты для чего Суду подсунул, изувер,

Лежалый бычий ливер?!

ЛЮЦИФЕР *(шмыгая носом).*

Для убедительности.

БОДИ-БОГ.

Так. Хорошо.

А почему Иаков признал его?

ЛЮЦИФЕР.

А это Вы Иакова спросите, Боже мой!

Я сам не меньше Вашего дивлюсь.

Расчёт, видать, какой-то свой.

Русские жарят бычьи яйца

И кушают за милую, как говорится, душу.

Ведь он обжора, это, по крайней мере,

Нам удалось установить!

Возможно, хочет как-то их присвоить.

БОДИ-БОГ (*рычит*).

Кого ты Мне на Суд представил, Каин?

Калеку невменяемого?!

Я дал согласие на Суд по варианту первому –

О преступлении против гражданского лица, Совка,

Но получается, что это только образ, маска,

Ход прообразовательный.

По сути, мы по второму варианту катим!

Я тебя вижу, беса,

Ты просто пробивал процесс.

Возможно, и не дал бы Я согласия

На эту катавасию.

И речи не было о грабеже народа.

Опять Я попадаюсь на развод!

ЛЮЦИФЕР (*тихо и убедительно*).

Учитывая принцип невмешательства,

Которому Вы преданы зело,

Если бы я стал разжёвывать да мямлить,

Я только бы запутал дело.

БОДИ-БОГ (*с досадой*).

Весь мозг Мне вынесли софисты-делопуты,

Извольте с ними разбираться тут!

Смотри, башибузук, процесс закончим руса,

Не поленюсь, спущу тебя с Эльбруса!

ФОРТУНА ФОРТУНАТА

(Продолжение судебного заседания.)

БОДИ-БОГ.

Как обвинение, так и защита

Допрос закончили космополита.

Имеется и у Суда вопрос, нам не чужда полемика.

Не торопитесь, Яков, отвечать.

Возможно, тут необходим особый мозг,

Мезоцефалум шизофреника.

Мы видим, ты веками бился,

А между тем... неплохо сохранился...

ИАКОВ *(живо).*

В этих делах, Отец, сплошная мгла:

Меня Фортуна берегла!

И если б не ушиб меня Богдан,

Я не поддался бы годам.

И до сих пор спина хранит воспоминанья

Жестокого казацкого восстанья...

(Иаков почёсывается спиной о стенку клетки.

Боди-Бог подставляет ладонь к уху и слушает,

не сводя глаз с Иакова.)

ИАКОВ *(эпически).*

...Тогда над поляками-панами

И арендаторами – мирными евреями

Всечасно призрак смерти реял.

Братушек вольности гулёной

Поил в шинках я, видите ли, водкою палёной.

Ещё не нравилось,

Что я в аренду церкви брал

И на крещение младенцев

Вериги пошлин налагал.

Толпа не понимала, пошлая,

Экономического смысла пошлин.

И лишь диаспоры кагал

Разумно полагал,

Что для развития промышленности

Постсоветской Украины

Скопить заранее необходимо

Инвестный капитал...

(Матфей слушает Иакова с открытым ртом. Исида хмурится.

Люцифер смотрит на Иакова исподлобья)

ИАКОВ *(увлечённо).*

Брал и свеклою, и зерном,

И требухой, и лытками –

Не оставаться же в убытке!

Брал и деньгами и шмотьём –

Таков закон извечный,

Как Путь извечен Млечный:

Богатому – шмотьё,

А бедняку – вытьё.

(Обиженно.)

А казачкам мерещилось, что мы,
Как к аналитике способные умы,
Проникнем к ним в порты, подобно ворам,
И подкастрируем степных бродяг,
Как подкастрировали ныне Ивана Святогорова.
Хамье!

Где им понять гуманный смысл монетаризма.
Вот они – корни антисемитизма!!!

БОДИ-БОГ.

Так вы кого кастрировали в конце концов?
Народ или конкретное лицо?

Кого вы умудрились опростать?

ИАКОВ (*склонив к плечу голову и подумав*).

Сие зависит от контекста.

ИСИДА (*Иакову тихо*).

Уймись! Или возьми доверенность...

МАТФЕЙ (*приходя в себя*).

И подотрись!

ИАКОВ (*не слушая*).

Когда рубились казаки с поляками при Жёлтых Водах,
Я в копнах на гумне пересидел на хуторе, что возле брода.
Следил, как жарили в костре соседа-арендатора Саула,
За то, что пошрины он вздул,
Как выли под венцом казачьим,
Насильно в христианский брак вступившие собачий
Эсфирь и Цилла с Валлой,

Как необрезанного Мойшу малого

Казацким жеребцом стоптало...

Богдан открыл меня в копне – мучитель!

Ему приспичило мочиться.

Я зачихал, когда в лицо мне прыснул тёплый дождь,

Но не прервал занятия естественного народный вождь.

А лишь сказал задумчиво лихой казак:

– Запомни сам и передай своим, убоже,

Что щупать стегна казака себе дороже,

Поскольку стегна,

И они же бёдра,

И они же ляжки –

Святых святая казака,

Как люлька, шашка

И с горилкой фляжка.

Он облегчился и отмяк.

А мне сказал: «Ступай, кизяк,

Пока я по-большому не сходил.

И цепом между крыльц меня

Чигиринский воитель отходил.

...Как бы какое восхищение меня объяло вдруг неистовое

—
То возвращалась жизнь, то истины момент настал,

Как бы сейчас пропели публицисты!

Мне показалось: ветерок скользит от щиколоток – выше,

выше...

Потом дыхнуло ласково в лицо, и – завертелись крыши!
Очнулся посреди толпы казачьей под говорок ползучий:
– Ишь, судорожь колотит, трясёт его падучка...
Один сердюк с косой вдоль уха –
Здоровый такой лось! –
Советовал: «Бижи помыйся, ваша милость,
Дуже гивна в тэбэ скопылось...»
Так на Хмельницкого моче фортуна
Внесла меня в счастливую лагуну.
Но с той поры меня то крючит, то ломает,
Рука повисла правая, походку портит левая нога стамая.
Когда подписываю чек на небольшую сумму вроде,
Мне судорогой пальцы сводит...
Ну, ладно я левша. И если отказала правая
И требуется вам подделка,
Могу и левака черкнуть под Самоделкина.
Я постоянно голоден, я просто волчьим голодом об уян!
Утробу больно стягивает, скручивает,
Я слопать дрянь могу любую.
Не отпускает ощущение пустоты,
Оно меня преследует и рвет –
И грудь, и глотку, и забитый пищей пищевод.
И если я, чтобы освободить нутро,
Лимонную поставлю клизму,
Страданье может привести
К невольному каннибализму!

Кроме того: подавлен слух, сижу как бы в реторте я,
Хотя улитка в ухе есть и орган Кортиев.

Сомнительные просьбы о деньгах друзей-завистников,
Отжитых надоедных баб

Выслушиваю больше по губам.

Да что, Отец! После событий тех

Не различаю радуги!

Зеленый, желтый – это да,

А прочие цвета

Мне как бы и не надобны...

(Иаков, как доказательство, протягивает Боди-Богу оч-

ки

и радостно восклицает.)

Крепка Богданова горилка,

Но, слава богу, жив курилка!

БОДИ-БОГ *(кивает).*

Тебе Хмельницкий, значит, дал потачку,

Не порешил, не растерзал – перепугал.

Так ты бы с этого и начал,

А то: кизячный путь, кагал...

(Люциферу.)

Богдан его попортил, слышишь, бес,

Вплоть до болезни Геркулеса...

(Иакову.)

Так говоришь: счастливая лагуна...

А всё-таки, причём же здесь Фортуна?

ИАКОВ (*глубоко вздохнув*).

...Возы отправил я на Корсунь ночью, по росе,
А сам на шарабане был, оставши ото всех.

Решил ещё раз обежать имение,
Не позабылось ли чего при суете?

И, представляете Вы, в зало при свечах
Сидит... панёнка,

На голове не то чепец цыганский,
Не то венок, не то корона...

И, боже мой – такое может быть?! –

Не ожидая для себя от казаков урона,

Прядет себе на прялочке,

Толкает пальчиками колесо

И тонкую такую сучит нить...

*(Иаков всматривается в головной убор Исиды
и судорожно сглатывает.)*

Увидела меня и палец поднесла к губам

И говорит так ровно, как сейчас я вам:

–Сховайся... в копны... паче...

«Ты кто? – я говорю, от страха чуть не плача. –

Тебе чего здесь надо?!»

Она: « Я – Фортуната.»

И вдруг сама собою сгнула, пропала,

Как будто не бывала.

И только от свечей трескучий шип...

Я королевской милости был маетности этой

Коронный откупщик,

По-ихнему, по-казаковски, державец-жид.

Я в копнах спрятался.

Обоз в степи пропал.

А я остался жив...

(С минуту длится молчание. Боди-Бог внимательно смотрит на опустившую взоры Мать-Исиду.)

БОДИ-БОГ .

Каким же видится, Иаков, исход борьбы твоей?

ИАКОВ *(гордо)*.

Я королем стал кредиторов

И кредитором королей!

СУДЕБНЫЕ ПРЕНИЯ

(РЕЧЬ ЛЮЦИФЕРА)

(Люцифер проходит к ораторской трибуне, не торопясь испивает воды из фиала.

На нём роскошный бархатный с вышивкой малиновый камзол-безрукавка.)

ЛЮЦИФЕР.

Высокий Суд!

Мы с Божьей помощью ушли

От дикости и тирании,

Мир мёртвых и живых преобразили в НИИ.

Невежество Благой

Прихлопнул просвещения стопой.

Поднявшись до высот рациональных,

Мы утвердили верховенство права,
Которым осчастливил нас
Наш либеральный Авва.

(Люцифер степенно кланяется Боди-Богу.)

Кругом у нас разумность и добро:
Мздоимцев не цепляем за ребро,
Злодеев не сажаем на рожон,
Предел насилию Законом положён.
Из каждой щели тянет гуманизмом,
Свободой, миром, атеизмом.

Осталось каждому тапиру
Поставить совести клистир...

(Люцифер делает паузу и постепенно повышает голос.)

На фоне этой гениальности
Мы получаем высшую ступень ментальности
В лице Иакова Исаковича Фридмана,
Историей к забойным совершениям
В России призванного...

(Люцифер печально качает головой.)

...Судебным следствием
После трудов великих
Добыты тяжкие улики
Преступных посягательств оного Иакова
Против всемирно знаменитого Совка –
Ивана Святогорова,
Отца серпастой всенародной общности,

Равенства полного – всё и для всех! –
В отдельно взятой русопятской волости...

(Мы будем здесь и далее
Использовать понятный подсудимому
Его блатной словарь,
А также те фигуры речи,
Которые употребляют на Руси
Рационалы-ловкачи.)

(Люцифер испивает из фиала глоток воды.)

Но – ad rem! К делу, господа!
В рациональной Якова душе
В недобрую ночную пору
Созрела гнусная замашка:
Прохолостить Ивана Святогорова.
Означенного выследив Ивана,
Иаков беспардонный совершил обман:
В час мирной расслабухи,
Когда Совок накушался сивухи,
В ответственный момент
Команде хищников безбожных
Вручил Иаков осторожно
Садовый нестерильный инструмент.
Объединившись с бандюками,
Иаков подстрекнул братву
К насилию над безмятежным Ваней.
Бандиты, обнажив Ивану стегна на ложе сна,

Гонады отсекли ему, соловому со сна.
Приём обычный для коннозаводства,
Но мы квалифицируем его,
Как тяжкое телесное уродство,
Влекущее ужасный днем и ночью зуд.
В итоге богатырь Совок,
Скажу без экивоков,
Утратил в одночасье мужской заветный уд...
(Люцифер с минутой молчит.)
Желая для себя благих последствий вскорости,
Преступник действовал из чистой корысти.
Убрал с пути Совка, Иаков
Лишил затем наследства сына Святогора –
Трудягу Рашку,
Кастрировав последнего
Приватизации заточенной бумажкой.
Как здесь доложено Суду,
Склоняясь к вящему вреду,
Иаков осветлил вегетативные коммунистические массы.
Он благодетельных индивидов обратил
В ошеломлённых грёбаных саврасов.
Для этого указанный Иаков
Вручал согражданам простосердечным
(Подчёркиваем это паче!)
Фальшивые бумажные клочки,
Их благородно именуя ваучерами.

Он их дарил мешками
Как круглым байбакам,
Так и садовым головам,
Которые в таких делах считались знатоками.
Они с барсетками к нему бежали,
С лукошками, горшками, кошельками
И, обретя с печатями бумажки,
Им присягали, как божкам.
«Дай! Дай! И мне, и мне!» – кричали.
И, получив квитки,
Немедля одичали.
Хитрец бросал в горшки
Мельчайшей позолоты крошки,
Он в русах глупые надежды вспенил
И тем привычные для них усердные труды
В мгновенье ока обесценил.
Заводы обанкротил, домны потушил,
Отправил пашню в перелог,
На всё, что шевелилось на Руси,
Кабальный наложил налог.
Героями провозгласил успешных и «бохатых»
И объявил поход крестовый
За золотым тельцом рогатым.
Он почву выбил из-под ног Раша.
«Извечный воин и строитель»
Вдруг обратился в торгаша!

(Люцифер хохочет.)

Недолго сохранялись ваучеры в дырявых кошах
И были скуплены у нищеты
Тем же Иаковом за государственные гроши!
Не поднимая из могил Наполеона и Адольфа,
На голову не возложив царей венец,
В три дня прибрал к рукам великую страну
И обратил народ в финансовых кастратов
Рационал-шельмец!

(Люцифер указывает на Иакова пальцем.

Иаков недоумённо пожимает плечами.)

ЛЮЦИФЕР *(сделав очередной глоток из фиала).*

С тех пор на русском поприще
Презлое и прегорькое вершится дело:
Торгуют правдой, совестью
И бранным телом.

И я не осуждаю бедных варваров,
Поскольку нет у них иных товаров.

...В ряд выстроившись

На обочинах рокад и торных трактов,
Парламентарии, телеведущие, редакторы
Проекты подлые загнать готовы оптом
И штучно – полные предательства труды,
Представив Якову на обозренье
И переда достойные
И неприлично округлённые зады.

Агенты Якова снимают оппозицию
И тут же за киосками, за шопами,
Кастратов пользуют в срамных позициях.
Над древнею Москвой вместо малиновых трезвонов

Несутся вопль ликующих насильников
И жалких содомитов стоны.

Услуги бедняков оплачивают налом,
Ворованным у них же капиталом...

(Пауза, Люцифер набирает воздуху в лёгкие.)

...Простые рашки, воины, трудяги разлюбезные,
Оставив труд и службу бесполезные,
Фарцуют шмотками

Из ближних бусурманских стран,
Слезами и «Royaleм» каждый пьян...

Меж тем Иаков обирает русов, аки лютый кат,

Кантует барахлю

И за граничный пост выкатывает...

*(Люцифер останавливается и
обводит глазами присутствующих.)*

...Любую жизни сферу

Мазурик – демократ и либерал –

Низводит в пошлую аферу.

«Где труд, там и любовь всегда бывала», –

Так рассуждал Совок бывало.

«Любовь меняют на бумажки», –
Так ныне рассуждают рашки.
В оформленном и утверждённом мною
Акте обвинительном
Особою идет главой –
Не как попало абы! –
Паденье русской женщины,
Беспомощной и беззащитной бабы.
А что хотите при хозяине легчённом вы?
Облегчена и спутница его, увы!
Любви бесплатной рус теперь не знает,
Но башлей на оплату грешной страсти
С трудов своих не получает.
Настасьи, Анны по углам мышкуют.
Дельцы их выжимают пот,
Бандитство их стрижёт,
В погонах перевёртыши крышуют.
На Варварке и у Ворот у Красных
Идёт торговля плотью безопасно.
В часы полночные, когда дуреют ароматом розы,
В курносые носы колёсные заправив дозы,
Пред тем ограбив не одну аптеку,
Ведут лохмотники
Чувих на дискотеку.
И пляшут, пляшут гологузы,
Чтоб истощиться,

У них это зовётся "кайфовать", или "тащиться".
Встав тысячной толпою, кругом,
Они трясутся друг пред другом –
Юнцы-руины и старухи-девы,
И дики звуки их скороговорчивых распевов.
В ночь беспросветную
Под мерзостной командой кормщика-жокея
Плывет корабль скопцов скорее и скорее.
Перемогая похоть, поганцы,
Любви дешевой жалкие жрецы,
Скулят подругам *на* ухо,
Со ссылками на телеинобытие,
Как сладостно бывало при Совке
Полов бесплатное соитие.
От холостых прыжков устав,
Усладу ищет нищий в лакомых местах:
Подруге проверяет грудь, живот, не исключает зада...
Увы, заветного не обретает клада!
Напрасно, куклы заводные,
Ласкают зоны эрогенные,
Поверхностные и сквозные.
На выбор части предлагая тела,
Хваленые на сайтах порно,
Подруги цену требуют умеренную,
Но на своём стоят упорно.
Что стоит тысячу,

То отдают за сотню долларов и менее,
Готовы доллар выручать
Через побои и глумление.

Но не желают слышать,
Хотя о том просил бы целый полк,
О наслажденьях в долг...

(Пауза.)

...Пока хлопочет на блошином Рашка,
А Настя на панели клиентуру манит,
Им, в пробном браке состоящим, недосуг
Воспроизводством собственным
В приватизированной заниматься бане.

(Хотя имеется законное запечье.)

Но, собственно, продолжить род и нечем!
Бывало сравнивали Рашкинское «о-го-го»
С ключом от древнего собора.

А ныне с чем сравню его?

С пистоном для пера чернильного прибора!

Такая анатомии поруха

Влечет снижение либидо

И тягу бесполезную к порнухе,

Что сказывается катастрофически

На органах, бездействующих втуне,

И ситуации демографической...

(Пауза. Люцифер отпивает воды.)

Два слова о культуре и искусстве.

И здесь наш новодел
Отменно преуспел.
На зов его из андеграундских подвалов,
Конур, камор и будок, наскучивши молчанием,
Повылезли писатели оглодавшие, сухие
И оглушили Рашку лаем, визгом и рычанием
Маньяки ерофеевы,
Глумливые войновичи,
Бредовые пелевины,
Зловонные сорокины
И прочие лукавцы-бестии
Под уськанье Иакова
На Сороса стипендии
Совка литературно кулемесили.
Впав в креативное наитие,
Свершили сочинители открытие:
Можно картину мира красками писать,
А можно тем, чем ты привык
«Ходить» и писать.
Вскипело «современное» искусство –
Безудержно, неистово:
Смешались «классики», «митьки», «акционисты»,
Концептуальные авторитеты и босяры,
Пейсы, бородки, бороды и бородачи –
Народ до жирного приварка ярый.
Посыпались перечисления и бартер

На плечи пионеров медиарта.
Явились галереи, центры, инсталляции,
Корпоративные площадки стадные,
Оплаченные из казны Иаковом нещадно.
Дискуссии, салоны, классы, лекции...
Открылись гениальные «проекты и коллекции».
Мараты гельманы по всей стране таскали
Срамные биеннале.
(За мусор прикладной
Шальные хрусты брали!).
На пальцах Рашке доказал бомонд трескучий,
Что жизнь – не одоленье бездн и кручей,
А только наглость, жадность и обыденность.
Жистянка – суть гниение, а вовсе не горение,
А потому Раше, как есть он детище застоя,
Фантом, пузырь и чистый вымысел,
Геройствовать и далее не стоит.

...Не устоял в Иаковских *перетрубациях*
И культ державный –
Тысячелетний, византийский, православный.
В тотальной счастья ловле
И он –увы! – предмет обмена и торговли.
Язычество долит финансовых скопцов,
Тускнеет вера праотцов.
Казалось бы, святые пастыри
Должны мирян бодрить,

Оплакивая жизнь греховную.
Увы, иное на уме отцов духовных –
Налоги, требы, бизнес, меценаты...
Ещё вилявый сволочь-казначей
И *мизерный* (опять-таки, увы!) конверт архиерею.
Крест золотой на пузе у владыки,
За веру православную страдальца,
Величиною с плотницкий *средний* палец.
Может обидеться епископ
На подношенье тощее
И батюшке пожаловать приход
Какой-нибудь «попроще»...
...И паства хороша!
Сказать по чести вам о Святогоре и Раша...
Совок и сын, ещё не холощённые,
Воды были чистейшей хамы:
Прослыли атеистами, учёными,
И лишь на Пасху да на Рождество –
И то лишь пьяными! –
Являлись в Божий храм.
Не раз я их воцерковить пытался,
Совместно службы посещая,
Наказывал: «Стой на молитве, ног не расставляя!»
Совок бухтел, мол, *ништо* нам,
Крепка Советска власть!
«Товарищи, расставим костыли,

Чтоб спьяна не упасть!»

(Старый амбал едва

В тот час на паперти стоял!)

Отведав рынка розги,

Совок поёт теперь в церковном хоре,

Взялся за голову.

А где он был, когда бог раздавал мозги?!

Рашка-сынок при новой власти тоже поумнел,

Крестился, о смирении бубнит и бога поминает,

Когда помалу принимает.

Беляшка, дескать, грех и яд,

Дай бог, чтоб не последняя!

Меня на днях за олигарха-чурку принял

И чуть не замочил.

Вот бес меж ног у них и проскочил!

Но бес не из моих, не из Аида,

То Яшка баловал, инакомыслящая гнида!

Вошло с подачи большевистских хамов

В привычку небрежение к попам.

Магнаты-плутократы,

Чиновники и меценаты,

Всевышнего о счастья молящие,

При алтаре стоят на пасху,

Свободно расставляя шасси.

И прочие раша не крестятся на храмы,

Постов не признают,

Даяний не перечисляют,
Ладно что каганец перед иконой
В святой престол зажгут...
(А, спрашивается, на шиши какие
По воскресеньям пьют?!)
Власть, зная слабость Рашки,
Перечисляет храмам за него сама
Из скудного бюджета, по бумажке...
Иаков, тот напротив, культовую бережёт рутину,
Солидную несёт раввину десятину.
За что раввин ему хвалу слагает,
За атеизм херем не налагает.

(Пауза. Люцифер возвышает голос.)

Кратче сказать: в какой бы отрасли
Иаков Исаакович не отмечался, ухарь,
Находим мы непруху и разруху...
(Люцифер сокрушённо мотает головой.)

Как мне Суду святому объяснить
Сего индивидуя прыть?..

(Люцифер задумывается.)

БОДИ-БОГ *(недовольно).*

Заканчивайте, правовед.

Пора обедать...

ЛЮЦИФЕР *(торопясь).*

...Ведомые рукой Творца,

Плоть совершенствуя без меры и конца,

Вступили мы в эпоху постиндустриальную
И тут с проблемой столкнулись... минеральной!
Душа от состояния растительного,
Согласно Божия указа,
Дошла до окончательной победы разума.
От тупорылого *vegetativa*
Через слюнявый *sensualis* –
К победе мощного *rationalis*!
Его усиленно плодит в последние года
И незрелая Российская среда.
(Люцифер кивает на Иакова.)
Душа у *homo sapiens*, как оказалось,
На стадии рациональной... мине-рали-зовалась!
Недавно я о том услышал
Не от кого-нибудь, но от Всевышнего!
Что подтверждается приложенными к делу публикациями
О фактах массовой кальцинизации
Нетленных сущностей по мере эволюции.
(Кланяется Боди-Богу.)
Мы солидарны с верхним мнением
И мыслим в том же направлении.
Мы увлеклись, друзья, учением формальным.
Изжив органику, душа предстала перед миром
Вонючим прахом минеральным.
Он перед вами, господа,
Рационал хвалёный с гнусным термосом,

Чужих захватчик хромосом!

Прогресса, эволюции не знает он иных...

(С трагическим смехом.)

И это – лучший из Всевышним созданных!?!

Задумайтесь, пока не поздно, теоретики,

Какая жизнь с Иаковыми во главе,

Двуногим светит!

(Кланяется Боди-Богу и шумно сморкается.

Исида и Матфей осуждающе переглядываются.

Боди-Бог поднимает судейский молоток.)

ЛЮЦИФЕР.

Я вынужден, Отец, и в Ваш священный адрес

Пустить копьё критическое Ареса.

Ведь что такое в точном переводе

Словечко body?

Плоти кусок всего лишь,

Лохматка бишь.

Вы полагали, как модернистский Всевышний,

Что Дух и Плоть, совокупившись,

Покажут миру чудеса.

И Вы соединили идеал небесный

И бранные мирские тела.

Кто из них будет пан?

Кто будет поборан?

Я думаю, смотря на эту рожу...

(Люцифер смотрит на Иакова.)

Что двух ответов быть не может.

*(Боди-Бог решительно поднимает молоток
и вновь кладёт его на место.)*

ЛЮЦИФЕР *(в темпе).*

Споём же старому Закону оду,

Сжуём убогую мацу

И, славу вечную воздав Отцу,

Заглянем в Моисеев кодекс.

(Листает «Второзаконие» Моисея.)

Здесь сказано: отдать за душу – душу,

Зуб – за зуб и глаз за глаз,

Чтоб у ответчика во лбу зиял пещеры лаз.

За рану – рану, за руку – руку

Мы отсекаль должны законности врагу.

И, наконец, за обоженье – обоженье,

А за ушиб – ушиб.

При этом лучше до смерти,

Чтобы истца ответчик, погорячившись, не ушиб.

У Моисея масса указаний

Касательно святого обрезанья.

Но о лишении срамного уда, также ятр,

Скрижали Моисеевы молчат.

(Провидец не предвидел данный случай.)

Но мы, юристы, формалистикою мучась,

По аналогии укажем без ошибки,

Какой из членов Якова приговорить должно

К отъёму бритвою иль твердым чем к отшибке...

(Люцифер грозно возвышает голос.)

Во избежанье горших утрат,

Мы требуем усекновенья ятр

С последующим удаленьем третьего яйца,

Того, что на плечах у молодца!

Чтоб не плодил сомнительных идей

Рациональный прохиндей...

(Плотоядно улыбается.)

Пока ещё не до конца расформирован ад

Демократическим владыкой,

Сумеет ли блудливого кота

В его дерьмо по старым правилам натывать.

К приёму гостя дорогого готово всё:

Топор, и плаха, и настил дощатый.

Чтоб он не оболтал охрану,

Я лично казни наглеца предам нещадной!

Пигмей зарвался в роли властелина.

Тем, что молчат, они кричат, несчастные русины:

(Люцифер молитвенно поднимает руки к потолку.)

«Доколе!!! Quo usque tandem abutere, Catilina?!»

(Люцифер делает последнюю паузу.)

Господь еси...

Высокий Суд, dixi!

РЕЧЬ МАТЕРИ ИСИДЫ

ИСИДА *(выйдя к трибуне, всматривается в свои записи,*

поправляет на груди белоснежный шарф).

Тьму лжи и мглу клевет

Свет истины да одолеет!

Перед Судом – рационал...

На этом держится весь иск.

Но сколько ни трости о сладости молва,

Во рту у вас не явится халва!

Что понимает под рациональностью Учение?

(Кланяется Боди-Богу.)

Природы-матери вольготное течение,

Благое Божье поучение,

Оправленный в законы разум –

И всё это не вразнобой, не вразнотык, но разом!

Что двигало злосчастным подсудимым,

На чём он сам в Суде настаивал?

Побудки первобытной стаи.

(Исида смотрит на Иакова с жалостью.)

Где европейская вазэктомия?

Где резак, прошедшие ординатуру?

Нет ничего и никого.

Мы видим банду пьяных маргиналов,

Секатором орудующих сдуру!

Мой подзащитный знает

Ряд примитивных опций,

Известных пресмыкающимся гадам:

Боязнь врага животная,
Без меры насыщение,
Блаженство копуляции за бабки ночью в сауне
И утренняя дефекации отрада.
Отметим, что опорожняется пострел
В том самом месте, где он только что поел.
Классический вегетатив!
Его особая черта – ни с чем несоразмерный аппетит.

И не случайно медики Российского Минфина

Категорически ему не разрешают

Перед обедом пить аперитив.
Даже такие лёгкие коктейли с фруктовой навёрткой,
Как «камикадзе» и «отвёртка».
Клиент страдает булимией,
И это – не обман, не шельмовство –
Неукротимое,
Мучительное,
Свинское обжорство.
И чтобы как-то продержаться до обеда,
Он в ресторане молится и ропщет,
И даже похищает пищу у соседа.
А поданный больному супчик на овощном пюре
С чесночными ржаными гренками

Он просто лакшит через край тарелки
И в ожидании второго рычит и гавкает,
О чём есть в деле справка психиатра.
Мы просим Суд учесть
Означенное обожратство,
Как обстоятельство, смягчающее
Произведённые клиентом гадства.
Его диета по объёму гениальна,
Но явно не рациональна:
Сожрать заначку нефтяную в ближайшие года,
А дальше – не расти трава...

(Исида пересматривает записи.)

Как бы Суду бросая кость,
Иаков говорил о соблюдении приличий,
Божественных обрядов и обычаев.
Но именно на бога он набычился.
От веры доверитель наш давно отпал,

Что, собственно, не диво:

Он сам, по сути дела, бог
Беспомощных вегетативов.

*(Исида обводит глазами присутствующих
и продолжает с особым значением.)*

Иаков на допросе поминал о десятине.
Но в деле нет прихода
На счёт Небесного чертога,

Его проплаты не дошли до Бога!
Он финансировал бальзамы, фимиамы,
Заказывал молебны на изгнание бесов,
По храмам мощи выкупал святые,
Но всё это – из шкурных интересов.
На веры стол, пожалуй, бросим мы
Лишь несколько баранов,
Лишённых кроткой жизни на байрамах...

ИАКОВ *(с дрожью в голосе).*

Не в глаз, а в бровь:

Люблю горячую баранью кровь!

А переписыванье Торы?

Это вам как, мадам?

Я столько забашлил писцам!

На эти денюжки я вычистил бы стойла Авгия!

ИСИДА *(небрежно).*

Какая это вера? Магия!

МАТФЕЙ .

Ишь раскормился за народные налоги!

В узилище его!

Пусть Люцифер ему пообломает роги!

(Боди-Бог предупредяюще ударяет молотком.)

ИАКОВ *(Матфею возмущённо).*

Что вы всё время по соседним клавишам-то лупите?

Читайте ангелам своим моралите!

Вы телевизор смотрите?

Вы пропустили о моей борьбе с Российской империей
Последние сто серий!

ИСИДА (*поучительно*).

Рационала ли, вегетатива ли

Клеймить позором надо объективно.

За нашим доверителем не только гадства,

Но и заслуги налицо.

Кто русам распечатал мир?

Кто их, погрязших в страхе, вдохновил

Забуть напутствия ментов

И скинуть леерами кумиров с постаментов?

Для этого Иакову пришлось на вече

Разинуть бункер шире плеч!

Кто Ильича и Феликса, поверженных,

Приканчивал на мостовых камнями и железом?

Облиты чьей болваны краснопузые

Не влагой дождевой –

Едучею слюной?!

Иаков доказал как дважды два совкам,

Что идолы бесчувственны к харчкам!

Россия отрешилась от махровых маний

И укрепила нравы поруганием...

По всем затронутым вопросам

Самой прокуратурой к делу приобщены баулы

Подробнейших цидул...

(Исида просматривает записи.)

Теперь возьмём невинного тела
Российского младенца-обывателя.
Он отступает демонстративно
От практики вегетативной.
Традиции не держится пустой:
Ковров не чистит квашенной капустой,
Не выбивает их и снегом –
«Самсунгом» пылесосит смело!
На зиму шубы добывает в Греции,
Пивной в серванте тары накопил коллекцию.
Не прыскает водой во время глаженья на брюки
И азиата не честит чуреком и урюком.
Забыты анекдоты о Штирлице, Чапаеве и Неру...
В ушах совки не добывают спичкой серу.
Я уж не говорю о хомячках, живущих в Сети,
Они плодятся вольно в интернете...
(Исида листает записи и морщит лоб.)
Тут утверждалось:
Вера православная покинула народ.
Наоборот!
Совки интуитивно
Крещаются толпой в порыве сенситивном.
Столетнюю невежества счищают кору,
Не плакать нам, а радоваться впору!
На клиресе Бориска-грешник басом
В слезах нахваливает в ектении Спаса.

А рядом, осветлённый боссом,
Выводит возгласы дискантом
Охранник СНГ Иван,
С утра, что удивительно, не пьян...
А кто же правит музыкальный пир
И укрепляет социальный мир?
Кто тот, единый?
Всё он – наш подсудимый!
(Исида тяжело вздыхает.)
Я знаю, Яков – не гостинец,
Но мне – как сын, как похотинец.
(Исида с минуту молчит и продолжает с новой силой.)
Обязаны понять мы все:
Иаков действует не в космосе,
А в лесополосе!
По кочкам и корягам
Из греков, из Совка вегетативного
Он, сам вегетатив, за патлы волочёт русинов
К цивилизованным варягам!
Поэтому мы заявляем зычно:
Иаков Фридман – не рационал,
Он только грамотей-язычник!
В рационалисы его не пропихнуть,
Учение Отца о психотипах
Иаковым не опровергнуть!
...Конечно, остаются на века

Свидетельством вселенского греха

Оторванные с мясом потроха...

(Исида указывает на бочонок с гонадами.)

Но не забудем, что великий сенситив, святой Давид,

Таскал тюками гениталии

Со всех библейских битв!

(Сухо и твёрдо)

В чём можно обвинить Иакова

По той бумажке, на которой тиснуто «УК»

И рашками которая не соблюдается пока?

Какой ему предъявим иск?

Что он вегетатив, что не рационал?

Но мы же яблоко зеленое в начале лета

Не обвиняем в том, что оно скулы сводит!

Созреет и оно, хоть время и уходит.

Мы же не будем малого судить всерьёз

За то, что он в загон скота перо пронёс,

А не букет цветущих роз!

Скажите откровенно мне, с какой бы стати

Иаков не воспользовался

Плывущей в руки, хоть и не Божьей, благодатью?

Да если бы он топал с цветами ненароком,

Он не был бы дельцом и финансистом,

А признан был героем и пророком!

ЛЮЦИФЕР *(фальцетом).*

Кому нужен этот бон-тон? Высокий Суд,

Прошу остановить пропагандон!!!

БОДИ-БОГ (*Люциферу*).

Низвергнутый во ад, внимай сюда!

Кто председатель Верховного Суда?

Здесь вам не шоп, не коммуналка,

Чтоб вашу я не вспомнил мать,

Советами прошу не донимать!

ИСИДА.

...А что касается Фортуны,

Которая Иакова, возможно, ставит на котурны,

То мы перешерстим разинь –

Нам вверенных языческих богинь.

И установим,

Не было ли превышенья ими власти

И незаконного распределения

Слепого нефтяного счастья?

(Исида сворачивает свои записи.)

Два слова на исходе

О современной форме Боди.

Остаться на века вегетативом-богом

Отец Небесный, ну, никак не мог.

Он разрывался между

Зевсом, Моисеем, Павлом, Златоустами,

Цивилизуя их без усталости,

Между Коперником, Ньютоном, Галилеем,

Сближая гениев-бунтовщиков
С толпой монахов и алхимиков,
Которые в Творца все верили,
И в рай и в ад,
Но каждый – на свой лад.
Хотя бы вспомнить о Спинозе,
Который толковал о разлитом,
Бесформенном, природном Бозе!
Я, как великая всего живого Мать,
Сама-то на разрыв была Отцу подстать.
Бывало, не поймёшь, кого в кипящем мире
Вперёд утешить, приласкать, утихомирить...
Одно я знаю твёрдо:
Ното не жил без Божества ни дня.
Никто в ином не убедит меня!
Нужно понять Отца:
В любой из ипостасей одну Он заводил шарманку.
До петухов поднимется, бывало, и долбит спозаранку:
«Дети! От вас Всевышнему
Не нужно ни поклонов, ни курений лишних!
Будьте в делах самостоятельны
И к ближнему внимательны!
Не возгорайтесь страстью к его бабкам,
Наложницам, подругам
И завистью к его большому *уду*.
И с вами Я вовек пребуду!»

БОДИ-БОГ (*нетерпеливо*).

Твои соображения, премудрая адвокатесса:

Какую точку ставим мы в конце процесса?

ИСИДА (*вздыхнув и сокрушённо покачав головой*).

Я не могу по статусу небесной матки Божией

Потребовать суровой кары

Даже последней уголовной роже.

Мир и гражданское согласие,

Ничтожное бла-бла

Превыше подлого бабла.

Репрессию пусть экономят россияне,

Они достаточно ей наигрались ранее.

Высокий суд! Будь милосерд,

Прости преступников за счёт их жертв!

Кто смел – тот съел,

Таков итог исследования дела,

Простая, как мычанье, истина.

К Иакову же и ко всем вора́м российским

Финансовую примени амнистию...

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ (ПОСЛЕДНЕЕ

СЛОВО ИАКОВА)

(Исида подходит к клетке подсудимого. Вид у неё сумрачный.)

ИАКОВ.

Мне бзики продолжать,

Благая Мать?

ИСИДА.

Скажу тебе, как адвокат с приличным стажем,

Я с изумлением смотрю на эту лажу.

И даже думаю порой, что мой подельник

Сошёл с катушек в самом деле.

Доселе только Люцифер

Умел Отца порой слегка дурачить.

Не гамлетуй, оставь репризы,

Ещё назначит экспертизу!

ИАКОВ (*тоскливо*).

Я, Мать, запутался уже: где явь, где сон?

В ушах какой-то похоронный звон...

(Иаков, приволакивая левую ногу и потирая правое плечо, выходит из загородки для подсудимого и становится за трибуну перед судейской кафедрой.)

ИАКОВ (*тягуче*).

Пред вами, горний Суд, гонимый иудей...

Ой вей!

(Хлюпает носом.)

Ну, шо я вам могу сказать?

Меня вострила тут Исида-Мать...

БОДИ-БОГ (*морщась*).

Иаков, поживее.

Преступника здесь судят – не еврея.

ИАКОВ (*мотнув головой*).

Кто я – вегетатив или рационал?

Я меж градациями вашими завис.

Я, господа, простой жидель.

Трясусь над благоприобретенным,

Как над булдыгою кобель.

Но разве Вы, Высокий Суд,

Не стережёте свой кошель!

Я вечно требую ням-ням.

Мне говорят: «Ты бы и мыло съел,

Что так сдурел!»

Да, у меня имеется домок в Москве, хата в Майами...

А вы хотите, господа,

Чтоб я ходил-гремел костями?

...Когда паскуда римский Тит Ерусалим зорил,

Я не был жидомором, скважиной и хамом.

Ну, за какие пироги меня погромом наградили
Сначала Первого, потом – Второго Храма?!

(Иаков достаёт из кармана кителя и листает записную книжку.)

Обращается к Боди-Богу со слезами в голосе.)

Отец! Ты знаешь, сколько нашего добра

Похитил нечестивый Тит?

Он гору серебра и меди закантарил

И в Рим на триумф свой отправил!

Из кедра инвентарь, из кипариса и маслины

Вагонами на запад гнал, скотина!

Хищения размах сравнится – господи, спаси! –

С разгулом иудейских комиссаров на Руси.

Пропал алтарь кадилный,

Десяток седмисвещников светильных,

А что нахапал Тит во Дворике священников

И во Дворе народа –

Пересчитать не хватит года!

И даже Двор язычников,

Где я, как финансист-меняла, рос,

Где буйствовал пророк Христос,

Где жертвенных мы продавали с выгодой

Тельцов, козлов и голубей, –

Наш знаменитый скотный двор, тех лет Бродвей,

Очищен был до нитки –

Гевалт! Мы даже не успели умыкнуть

Священные пожитки!

А сколько драгоценной древесины

Сгинуло, ситтима!

Отец, мы горькой теме этой

Отдельную беседу посвятим.

Как вспомню, Отче, о погроме титовом,

Во мне свирепый оживает троглодит,

Беда сухая грудь теснит,

Буровит лёгкие и плевру:

По курсу настоящему убытки досягают

Неисчислимых лярдов евро!

Мы, Ротшильды несчастные, до сей поры, поверь,

Оправиться не можем от потерь!

Вы спросите, на кой я вспоминаю нечестивца Тита?

(Пауза. Иаков напрягается и выкрикивает.)

А кто мене наклады возместит?!?

(Горестно кашляет, хлопает носом и вновь вдохновляется.)

... Хазария – в духовном росте был мой следующий,

По вашей схеме, сенситивный, шаг:

На Волге я молился Яхве ревностно

И принимал из Киева ясак.

Русейские прекрасно помню барыши,

Особенно бобры там хороши!..

(Иаков запинается.)

...Когда б не князя Святослава вислоусого

Оттянутые палаши...

(Иаков печально опускает голову.)

Тогда я понял достоверно,

Что идолопоклонство скверно.

Кумирник Святослав

По камышам за мной устроил шмон,

Меня, как волка, порскал он.

Но я, как пел блаженный Вольдемар,

За красные флажки устроил дёру

И спас сундук: спасибо дромадёру!

Да, я утёк, захлопнул двери.

Но кто, чёрт побирай,

Окупит мне славянские потери?!?

(Горько вздохнув.)

После того, друзья мои, житья была глава

В стране сосисок и ржаного пива.

Там, в «Талмуд Тора»,

В меня священные вколачивали тексты.

Но больше мне запомнились

Ужорные кошерные бифштексы.

Наш рабби мне сказал в лицо:

«Чёрт с ними, Святославами и Титами!

Старик, с таким прекрасным аппетитом

Быть тебе русским референтом!»

И долго бормотал рефреном:

«Чтоб всем ивримам стало так!»

Наш рабби был большой добряк.
Конечно, я к рациональной жизни
Был не вполне ещё готов,
И добытое часто вырывали
Из крепких, но неопытных зубов.
(Иаков вспоминает, повеселев.)
...Я финансировал Колумба, Ваша честь,
Его проект был адски дорогой.
Он при последней нашей встрече
Меня пытался изувечить
Подзорной медною трубой.
Под поручительство Пинсона-капитана
Испанские марраны
Набили Христофору золотом карманы.
В ту пору я раввина зятем был,
Марранами руководил.
Вы слышали, надеюсь я, о Меломеде?
Это моя мощна Колумба привела к победе!
Звал адмирала океанский бриз,
Сокровище его не занимало.
Но я потребовал рундук металла!
В конечном счёте мы договорились,
И души наши в западную сторону
По ветерку совместно понеслись.
Но были и просчёты. Боже!
Бандит Писсарро до сих пор мне должен.

В Перу исчез, подлец!

Он где-то здесь, у вас, надыбай мне его, Отец!

Рационалису хоть чёрта финансировать, такое моё мнение:

Открытие Америки, апачей избиение...

Ведь это я на пляжах океанских

Закладывал привозы, синагоги, храмы христианские.

Привозы обращались в города,

А храмы обрастали дворцами и притонами,

Лилось вино, жратвы уписывались тонны,

Метались кости и шуршали карты,

Прекрасные, как золото, выгуливались жёны.

Я не делил людей,

Кормил-поил врагов, друзей,

Гелт под процент ссужал

И должников долгами жал.

Зверело хамство и наглела знать,

Долги не торопясь признать.

...Я, наконец, Ост-Индскую компанию

Раскинул по морям.

Да, смолоду я был куда упрям!

Я мог бы стать рационалисом законченным,

Пусть и немного порченным!

Всё дело в одиночестве.

Пёс отчего у будки зол?

Пса не берут играть в футбол.

Кому я мог печаль излить
О прибылях, разлитых в мире?
Свои ассимилировались,
В них Сима с Иафетом оставалось по чуть-чуть,
Кругом – неграмотная чужь,
Потомки Хама.
Стараясь, по сути дела,
Ради чужих людей,
Ой, *дарагаямама!*
Там полпроцента, там процент...
Дерёшь ведь не со зла.
А вместо благодарности – хула.
Всё, что ни сделаешь, всё плохо.
А тут ещё Вильям с меня списал
Вонючего Шейлока!..
Бывало, вечером сочтёшь гешефты мельком,
Да считаешь *Вильяма* пасквиль,
И плачешь в тюфячок, к утру мокра постелька.
И всё, бывало, думаешь-мечтаешь:
Забацать бы Всемирную торговую организацию,
Экономическую насадить бы интеграцию,
Наладить бы движение труда и капитала,
Дать в одну руку чуди бутерброд BigMag,
В другую – «Pepsi» в форме фалла...
И сладкая на ум являлась версия:
А не пора ли нам Россию-матушку качать

И газовое заднепроходное ей отверстие
От Proktoга&Самble гелем смазывать?!

(Просветлев лицом.)

Несовершенен мир продажный.

Но если сильно помечтать, глядишь, и сбудется.

О визуализации желаний известен ныне каждый:

Сегодня тощий фьючерс, хилый опцион,

А завтра прямо руки приплывёт залоговый дармовый

Российский нефтяной аукцион!

И вот, мой друг...

(Иаков обращается к заслушавшемуся его Матфею.)

Очнулся утром вдруг,

Смотрю в окно: двадцатый век, Россия!

На кухне Рашка-друг

Глазуху в сковородку бьёт,

Играет яйцами да нагло так, спесиво...

На бёдрах дюжих – фартук бабий...

Тут вспомнился мне незабвенный рабби.

Могучий Рашка, но какой-то снулый...

О Титовом погроме мысль мелькнула,

О Святославе с тяжким палашом,

О должнике Писарро...

А Рашка шастает по кухне, считай что телешом...

Ну, фрукт! Ну, гад!

Ведь ничего ему не надо,

Всё есть в Московии!

А ты езжай в Месопотамию,

Парад-алле!

Гоняй арабов по жаре...

(Иаков сглатывает слюну.)

...Теперь представь, Отец, пустынный Беловежский коридор.

В банкетном зале наверху волною ор.

Я с балыками шёл и с чёрною икрой,

Вдруг кто-то крикнул мне от лифта:

–Яков, стой!

Я: «Шо такое?!»

Смотрю: в дверях панёнка...

Помните шкоду

При Жёлтых Водах?

Поправила веночек свой:

« О чём задумался, герой?

У тебя зубы вряд?

Имей в виду, двуногий брат:

Жох на рысях летит к обеду,

Плетётся лох под обух роковой!»

...Глухое занималось утро.

И вдруг свело моё нутро...

Ударила тоска:

Ужель не ухвачу куска?!

Тогда боярам я и сыпанул Синайского песка...

...Потом – сырой предбанник,

Храпящий с всхлипом Ваня...

Я как с горы летел облыжно,
Как из петли летит булыжник,
Как сумасшедший я радел,
Я откусил бы и от камня!

(Иаков судорожно вздыхает.)

Когда охотник сгоряча
Палит навскидку в косача
Счастливою рукой,
Кто виноват из них?

Я думаю, ни тот и ни другой.

Высокий суд!

Огонь с водой не подружить

И рай несходен с адом тоже.

Иван передо мной не виноват,

Но и *мене* виниться перед ним... за что же?!

Мы с ним как бы глухие и немые.

Не встретятся в Галактике ни в жизнь

Две параллельные прямые...

Высокий Суд!

Я должен вам сказать такое,

Что вам, наверно, не понравится:

Скорей всего я *довегетатив*, а может, *пострационалис*.

Имеете ли вы себе такое понимать,

Чтоб времена и нравы обнимать?

Не знаю я, чего мне больше надо:

Бродить в саванне с первобытным стадом,
Гонять слонов и антилоп,
Жевать собратьев-троглодитов?
Или в раю Доминиканы, в отеле Пунта-Кана
Сосать тушёные мозги фазана?

Скажу, чтоб лишних избежать вопросов:

Я тот, кто верен своему гешефту,
Я там, где лежище моих порносов!

МАТФЕЙ (*шёпотом, в ужасе*).

Великий грешник, дьявола насмешка!

До дикаря-вегетатива ему лет тыщу

Мелкой перебежкой...

Не человек разумный он –

Какой-то ракоскорпион!!!

ТОРЖЕСТВО ГУМАН

ИЗМА

*(Боди-Бог выходит в зал заседаний из совещательной
комнаты*

с исписанными листами бумаги в руках.)

БОДИ-БОГ (*озабоченно*).

In summa. Стороны закончили боренье.

Прослушайте Суда определенье...

(Все встают на оглашение.)

ЛЮЦИФЕР (*скороговоркой*).

Высокий Суд, protest!

Нарушен dromos уголовного процесса!

Я не ослышался, Отец? Определенье –
Вместо сурового о казни приговора?!

БОДИ-БОГ (*раздражённо*).

Молчи, сын буйный, непокорный!

Мы не пойдём греха дорогой торной.

Рассмотрим суть и глянем в корень.

Я объясню свое решенье вскоре...

*(Поднимает руку и медленно её опускает. Люцифер, по-
винуюсь,*

так же медленно опускается в кресло.)

БОДИ-БОГ (*откашливается*).

В порядке исключения

Суд рассмотрел земные приключения

Живого смертного, политика и финансиста видного,

Иакова Исаковича Фридмана.

Суду было непросто разобраться в этой шизофрени,

В смешении реального и мнимого,

Весомого и явной дребедени.

Мешало, кроме прочего, новейшее российское аргю,

Словарь и обороты подсудимого.

(Боди-Бог делает паузу.)

Итак, Иаков Фридман, сын Исаков,

Услышав тайные мистические «голоса» –

Прошу на это обратить внимание –

Свершил преступный подвиг свой
В известной миру беловежской бане.
Нечаянный в тот час лакей,
Поверив «голосам» прелестным,
Он Рашку и Совка
(Так подсудимый именует
Свой собственный народ),
Лишил, вступив с партийными бандитами
В преступный сговор,
Существенных частей телесных.
(В виду имеется наследное имущество:
Земные недра, нажитый трудами капитал –
Всё, что Творец усердному народу дал.)
Преступное свершил тем более легко,
Что вся заступа и Совка и Рашки
На деле состояла из конституции-бумажки,
Игравшей роль адамова листка,
Собою прикрывавшего стыдливо
Диктаторское порно.
Этот листочек горсткой прохиндеев,
С прямым участием Иакова,
С причинных мест народных
Был мимоходом сорван.

(Боди-Бог повышает голос.)

Мы выслушали стороны,
Исследовали ситуацию

И к выводу приходим, господи прости:
История доселе не знакома
С подобными погромами
Ни по масштабам, ни по наглости.
Ну, можно ли себе представить,
Чтобы страна, шестая суши часть
Не героической являлась ныне стратой,
А бандой пастырей-космополитов
И стадом валухов-кастратов?!
Святая Русь свою топтала,
Пусть и не самую удобную дорогу,
Сбивалась, ошибалась
И подвигалась в Вечность понемногу.
Когда Советский Святогор в последнюю войну,
Спасая мир, губил свою страну,
Никто не отвернулся от него
Со страхом и презрением.
Сердца неслись к нему
С надеждою и восхищением.
В конечном счёте богатырь сломал хребет
Вселенскому врагу, его добился поражения.
Уже поэтому Отец и Сын достойны уважения.
(Боди-Бог отпивает глоток амброзии.)
Надо сказать, Совок, символом будучи Советов,
Поиздержался несколько на этом,
Имперская его окостенела форма,

Но не таких она ждала реформ.

(Боди-Бог отрицательно качает головой.)

Вышеуказанной торя дорогу горстке,

Иаков обыграл в напёрстки

Трудягу Рашку,

Всучив ему в обмен на капитал

Лажовые бумажки.

Раша Иванович – пусть он Меня простит –

Классический вегетативный тип,

В котором глупости не меньше честности.

Необходимо в оправдание сказать:

Означенный раб божий Рашка

В казарме родился и воспитался в каталажке.

Он бессеребренник, усерден и вынослив,

Как мирный вол или Христовый ослик.

Пьет винную барду, закусывает репой пареной,

Христианин стихийный...

Есть в деле заключение на этот счет

Философа народного Панарина.

Русак Раша своей обязанностью полагал

70 лет кого ни поподя гобзить,

Чтобы в конце концов Иаков,

Возглавив за спиною президента Русь,

Степные ханства отвалил киргиз-кайсакам,

Хохлам – Хохландию спустил,

Спихнул Молдову бессарабам,

А Русь святую отворил
Для всех желающих её арапов!
О роли самого Раши Ивановича в погроме
Сказать подробней просится,
Но это к делу не относится.
Пускай о том подумают, досуг имея,
Рашкины невесты.
Итак, деяние имело место...

(Пауза.)

Какой же, собственно, закон, статью какую
Попрал российский апокалипсический буржуй?

*(Боди-Бог внимательно смотрит на Иакова. Иаков
непроизвольно ёжится.)*

С начала мира Я, как многоипостасный Бог,
В какую бы не одевался тогу,
Строжил сынов Земли brutальных:
Не ампоше! Не укради у ближнего и дальнего!
Ты хочешь хорошо пожить –
Vis recte vivere? Quis non –
А кто не хочет, боже?
Твой ближний домогается того же!
Этот весьма простой резон
Я высек на базальтовом пилоне
Параграфами Хаммурапи,
Благословив, как бог Мардук,
Вязь клинописных каменных царापин.

Столп в поучение потомкам
Украшивший персидские пенаты,
Вкопали с торжеством в пустыне азиаты.
Те же заветы кратко изложил в стиле мандата
На двух скрижалях из граната,
Вручил Моше-пророку: «Да будет так!»
При Мне Моше скрижали двухпудовые,
Как драгоценный капитал,
С горы Синайской кантовал.
Подобные уставы,
Оформив на 12-и таблицах деревянных,
Выставил в Риме на Форуме,
Чтобы народные трибуны руководились ими хором.
А сколько в поздние эпохи
Было придумано Разумными аналогов-законов
И сколько сказано на этот счёт резонов!
Казалось бы, на веки вечные проложена стезя,
И, на неё не оглянувшись, Разумному прожить нельзя.
И вот нашёлся персонаж злодейский,
(*Боди-Бог смотрит на Иакова.*),
Лишённый страха иудейска,
Который догмы веры и догматы права
Как нет ничто рушает
И заповедь свою провозглашает:
«Всё в мире Якова!
Всё! Рано или поздно!

И если вещь каким-то чудом не моя –

Res nullius! – стало быть, бесхозна!

(Люцифер радостно рукоплещет, Исидра закрывает лицо шарфом.

Иаков стоит, молитвенно протянув руки к Судье.)

БОДИ-БОГ.

Вопрос Суду на заключение:

В чем выразилось Якова участие

В ужасном преступлении –

Отца и сына славных оскотлениям?

В том, что, присутствуя при сговоре

Партийной сволотчи поддотой,

Он не остался соглядатаем.

Суд констатирует с прискорбием:

Когда от власти отстраняли пустомелю Горби

И банда подлая Совок делила,

Сошелся накоротке обвиняемый

С преступным обществом

Под гнусным ярлыком "Далила".

Иаков подстрекнул преступную орду

И чёрную предательства печать

Отгиснул на библейском лбу...

ИАКОВ *(рыдая).*

Отец, ведь я же объяснил Суду!..

ЛЮЦИФЕР *(радостно).*

Он блудно в мире жил!

И честно окочурится в аду!

БОДИ-БОГ (*рычит, от чего участники Суда приседают*).

Нишкните, беззакония адепты!

Я покажу вам длань простёртую и мышцу крепкую!

Оставьте при себе сомнения и чаянья,

Во рты вложите удила молчанья!

(Все в страхе опускают головы.)

БОДИ-БОГ.

Я плачу по земле Московской

Сегодня горькими слезами:

Она не засеивается весной,

Не радуется оратая плодами.

Зря упирается оратай –

Терние глушит хорошие ростки,

Зла колосится урожай богатый.

Покрыты души солью разложения

И серой горя терпкой.

Главу склоня, московский люд

Дрова сечет и воду черпает.

Но жажды не унять и не нагреть им очагов,

Сокрушены столбы их домов,

В обломках жертвенники, алтари в обломках...

(Боди-Бог горестно качает головой.)

За хохмы такие положено на зону, на пермский север,

Провинность предусмотрена

И уголовным кодексом Эрэфии,
И «Правдой» русской,
И лестницею наказаний Моисеевой.

(Боди-Бог задумывается.)

Как выяснилось в ходе острых прений,

(Боди-Бог переводит взгляд с Матери Исиды на Люцифера.)

Иаков Фридман – либо подонок небывалый,

Либо невероятный гений.

Ни первое и ни второе, господа и вумен.

Иаков, утверждаю Я... безумен!

Как Я догадываюсь,

Нам не случайно навязали в обвиняемые монстра.

Цель провокатора проста:

«Суперталант» и «мегамоzg»,

Естественное дело, в ад

Будет отправлен Нами без вопросов.

Чем Мы торжественному пуску Конуса –

Объединению небесных и подземных сфер,

Где каждый каждому и друг и брат –

Своей рукой поставим мат!

Где же ещё, как не в последнем круге ада,

Где леденеет бездна,

Где для предателей

Печётся из порока и лукавства спецмаца,

При полной изоляции

Держать века такого отщепенца?
А если нам хотя единого не охватить,
То, стало быть,
Объединению миров не быть
И огненной геенны во веки вечные не потушить.
(Боди-Бог подкрепляется глотком амброзии.)
Мы многое видали, господа.
И мы давно не дети.
Давайте проследим внимательно
Преступника замысловатые мыслете...
Чего бы ни коснулись мы:
Политики, культуры, техники –
Везде он мыслит надвое,
Везде у него две сути,
Которые нормальному уму
Не получается сомкнуть.
Не будем принимать гипотезы на веру,
Наглядный приведём пример.
Нормальный человек,
Не обязательно, что кулинар,
Прекрасно отличит яичницу
От божьего, как говорится, дара.
Иаков путает элементарные понятия отчаянно.
И это не случайно.
Смотрите, вот он рассуждает о Совке.
В его рассказе это мэн, мужчина важных лет

С ногами и руками, с бородой
И, наконец, с увесистыми бейцами.
И что же мы имеем налицо?
Совок всего лишь симулякр
И красное словцо!
Нет никакого мэна с бородой.
И бейцев нет увесистых само собой.
А между тем Иаков уверяет –
Ну, точно он с приветом! –
Кастрат Совок при СНГ работает привратником...
Добро хоть не полпредом!
Возможны ли такие вычуры
Без повреждения коры?
(Боди-Бог стучит себя пальцем по лбу.)
Больше того.
Преступник в состоянии духовного распада
Признал при опознании своими
Совковские гонады,
Которые, как Мы установили позже,
Всего лишь бычьья требуха.
Кому всё это надо,
Эти фальшивые пудовые гонады?!
Иаков бычник? Или мясоруб?
Или хотя бы волопас?
Какой-то тихий ужас!
И так во всём маразмы,

Всё распадается на пазлы.

Во всём раздвоенность, дихотомия,

Везде двузначность и амбивалентность.

(Боди-Бог пожимает в недоумении плечами.)

Что вообще такое российская буза?

Только одно – Иакова шиза!

Бред заразителен, как всякий стресс,

Пример такой инфекции могли мы наблюдать в процессе.

Наш прокуратор заговаривался, горемычный,

Гонады Святогорова вслед за Иаковом

Не отличал от бычьих.

Понятно, Люцифер звёзд с неба не хватает,

Всё как-то мимо...

Детство, видать, тяжёлое, нехватка витаминов,

Врождённый страх меча дамоклова...

Всё ходит, чёрт его дери, вокруг да около.

Общаясь с обвиняемым,

Давно сообразил, конечно,

Что в Суд доставил невменяемого.

Но уверяет Нас почтительно,

Что «случай он надыбал исключительный».

Стал вообще наш прокурор каким-то нудным,

Неуправляемым и трудным...

(Боди-Бог делает передышку и опускает голос.)

...Мы выслушали стороны,

Свели земные и Небесные законы

И полагаем, лишь один итог Суда разумен:

Этот субъект...

*(Боди-Бог указывает на Иакова,
который стоит с потупленной головой.)*

... Будь он рационалис, будь вегетатив,

Подонок или гений,

А может быть, то и другое вместе –

Не *и*наче – безумен.

Недугом страждет Фридмана мятежный дух,

Его рассудок навсегда потух.

Нормальный человек

Не может так портачить.

Я не могу его продерзостных поступков

Истолковать иначе!

(Пауза.)

Что же имеет в результате Суд?

Объект преступных посягательств налицо,

В то время как отсутствует субъект деяния – виновное ли-

цо.

Нет уголовного субъекта – нет преступления.

Приходится признать:

Закону... некого карать!

(Люциферу, раздражённо.)

Да было бы тебе известно, рационал-, процессуал-

И прочая бандит,

Что скорбных головой Верховный Судия не судит!

(Боди-Бог переводит дыхание. Люцифер недовольно фыркает).

Но чтобы ни у кого во всей Вселенной,
Ни у подонков, ни у гениев,
Не возникало подозрений
В полнейшей беспристрастности Суда
И не было бы двух о Нас различных мнений,
Я должен сделать, господа,
Коротенькое заявление.
Нас связывают с обвиняемым
Не шапочное знакомство,
Не телеинтервью, не радиобалда –
Но давние серьёзные библейские дела,
Завет с его дедами-прадедами,
Составленный на Мория-горе крутой
И утверждённый во Ерусалиме-граде,
Оформлен в Библии, как протокол святой.
Тогда Я был ещё Иеговой,
(Хотя Мне больше нравилось быть Зевсом.
Я о родной Мне обстановке в ту пору сильно горевал
И многое на мах благословлял и проклинал.
Что сделаешь, такой уж был Я кент!)
Однако обещание есть обещание,
А документ есть документ.
И вот теперь вместо того, чтобы порадоваться
С потомком Авраама встрече,

Я говорю о ней с глубокой горечью.

Тем более что явно он тянул в рационалисы.

А то и паче.

А вытянул от силы в рыцари удачи!

Честно признаться,

Я огорчён и озадачен.

Единственно, чем Я могу утешиться

И объяснить своё крушение,

Так это Якова недугом.

Сомнительное утешенье.

Я верным остаюсь рациональной целесообразности:

Преступник должен быть изобличён, вина его доказана

И сам он, соответственно, наказан.

В рамках гуманности

И без жестокости.

Но в случае, когда преступник

Не сознаёт своих деяний,

Не контролирует себя,

Когда ему байда любая – хоть бы хны,

Присутствует феномен неменяемой вины...

...Не будем также забывать:

Не без возмездия оставлен обвиняемый.

Безумием наказан неменяемый.

(Всёобщее молчание. Люцифер кисло, Иаков радостно улыбаются.)

БОДИ-БОГ *(торжественно)*.

Деяния Иакова Исаковича Фридмана
Считать полнейшим затемнением ума.
По слову Судии живых и мёртвых аже,
Безумца выпустить немедля из-под стражи.
(Исида рукоплещет.)

БОДИ-БОГ.

Actum est, ilicet!

Таким финал Нам видится.

Суд кончен, можно расходиться.

Часть 2. КОНУС ВЕЧНОГО БРАТСТВА

КОНЦЫ КОНЦОВ

(Мегарон, жилые покои Боди-Бога. На лужах и табуретах с гнутыми ножками расположились участники процесса. На низком широком столике – хлеб, жареное мясо, соус в богато инкрустированных соусниках, кратеры с винами, изящные фиалы, из которых гости пригубливают напитки. Боди-Бог (он в скромном домашнем хитоне) сидит в кресле-троне, откинувшись на спинку, задумчиво следит за собравшимися.)

ЛЮЦИФЕР *(закусывая, со вздохом).*

Не будем торопиться.

Я бы просил принять протест.

Непостижим, Отец, твой либеральный жест...

(Проникновенно.)

От Твоего постановления, Баши,

У честного юриста вянут уши.

(Выпрямляясь на кресле и выпячивая грудь.)

Я, прокурор вчинивший иск,

Имею право на финальный писк!

Хотя, как вижу, я иду на риск...

БОДИ-БОГ *(Он выглядит усталым и озабоченным)*

Опять, Денница?

Какой протест тебе блазнится?

Он болен, этот краснобай, вельми.

Он псих, пойми!

ЛЮЦИФЕР (*буркает*).

Нет у него ни хроники, ни криза.

Я требую судебной экспертизы!

БОДИ-БОГ.

Опять буза!

Ты лезешь как оса в глаза.

(Обращаясь к молча обедающему Матфею.)

Матфей, варёного вина отведай, напоминает «Пепси»...

(Люциферу)

Не забывай об эпилепсии!

При полной ясности сознания

Иаков сложной болен манией.

Идей религиозных виден след,

Преследованья прорывался бред.

То маска мистика, то мантия величия,

То пепел ипохондрии...

Я слышал от Сократа,

Что всё это – стигмат дегенерата...

ЛЮЦИФЕР.

Есть, Авва, целые нации,

Которым свойственны галлюцинации.

По историческим причинам,
У них всегда на революции настрой.
Их никакой не успокоит строй.
На белый свет они взирают через особенную призму:
То у них нигилизм в чести,
То подавай им коммунизм.
Их опыт жизненный таков:
Они всегда как бы в осаде,
Их окружает сонм врагов.
И если ветром стукнет фортка,
Или тряхнёт жилище гром,
Они кричат: банзай! погром!
А тут ещё их родовые травмы
Терзают герберы и роммы...

БОДИ-БОГ.

А кстати, где гуляет он?

ЛЮЦИФЕР.

Шмонает мегарон.

БОДИ-БОГ.

Пусть перекусит твой протеже
И с богом отправляй домой мацу.
Да не забудь:
Разбор сегодняшних полётов – в пятницу...

МАТФЕЙ.

Я думал, он – хиляк, этот гарсон.
А он под кительком да кипой – Тайсон!..

Сдаётся мне, он откосил под дурачка.

То у него нога, то у него рука.

Пока Хмельницкого не поминал,

И не хромал.

Что здесь, на Небесах,

Что там, в земной юдоли,

В любую входит роль.

БОДИ-БОГ.

Или из этой роли не выходит.

МАТФЕЙ.

Дюже меня коробит эта рожа.

Теперь он на коне, сумняшесья ничтоже.

И ни малейшего ведь страха перед мытарствами в аду...

Я вот что думаю:

(Матфей смотрит на Люцифера, нахмурившись)

Не наш ли прокуратор ушлый

Шепнул ему чего на ушко?

Ну, от кого он мог прознать,

Что ад мы будем упразднять?

Уж очень он развязно баял!

Из мертвецов, как мне известно,

Никто назад, кем бы он не был, блудный,

Пока не возвращался в космос людный

ЛЮЦИФЕР.

Зачем на *ушко*?

Во всеуслышанье!

Когда при торжестве открытия Суда
Ты возглашал хвалы Отцу, я ему всё открыл.
Забыл?

МАТФЕЙ.

Мозгами тронутый, а всё, выходит, понял...

ЛЮЦИФЕР.

Я-то его как раз сношал,
Казнить нещадно обещал.

БОДИ-БОГ.

Он болен и аминь!

МАТФЕЙ.

Люминь, значит, люминь.

БОДИ-БОГ (*Исиде*).

А ты чего помалчиваешь, Мать?

Маньяк или артист и пшют?

ИСИДА (*мрачно*).

Его недуг душевный лют.

Его направить надобно на исцеленье

К Василию Блаженному,

Открывшему в пречистых Эмпиреях

Недорогой приют

Для человековидных обезьян

И малохольных россиян.

На кой тебе Иаков ляд?

Отправь к Василью на погляд.

БОДИ-БОГ (*морищится*).

Блаженный исключается.

Василий за кастрацию Союза

Колодкой Яшке пощекотит гузно...

Люци, а много на Руси таких?

ЛЮЦИФЕР.

Да вся верхушка яшками забита.

Они себя и окружающие их

Зовут элитой.

БОДИ-БОГ.

Да ведь они больны кругом!

ЛЮЦИФЕР.

Отнюдь. Они прекрасно

Общаются друг с другом,

Их понимает масса,

И мужики и вумен,

В их полном ведении государственная касса.

Иаков только в Вашем воображении, Отец, безумен.

Там все такие, уверяю Вас, и каждый во своём уме.

Ну, могут ли безумные

Начальству в унисон елдыкать?

И могут ли маньяки во время заседаний в Думе

Единодушно, сидя в креслах, дрыхать

И, выделяя сытный газ,

Причмокивать: «Так-с! Едак-с! Дас-с!»?

В любой палате №б кретины орудуют, мой Авва,

Кто в лес, кто по дрова.

А русская элита до мелочей одина,
Особенно в делах приватности.
А тех, кто гнёт на свой хохряк, неадекватно,
У них отстреливают аккуратно.
С элиты начиная, нация
В процессе нравственной кальцинизации.
От обывателя последнего и до верховного гуру.
Я что Вам вру?

(За столиком повисает тягостное молчание.)

ЛЮЦИФЕР.

Им только перестроиться как следует,

Да встать с колен,

Да перейти с просфоры на мацу.

Они Европам и Америкам

Пропишут атомную ижицу!

БОДИ-БОГ *(в размышлении)*.

И всё же Я в своей уверен в правоте.

Сужу, как Я судил всегда –

По простоте.

Хотя, по правде говоря, Я озадачен.

Но если он здоров, этот полип,

Я не готов вам объяснить сейчас

Происхождение подобных архетипов.

Возможно, выполз экземпляр из тайной щели,

Где пребывал

До наших эпохальных воплощений...

Он сам – живое воплощение мифа,
Когда пещерный ното трапезу делил
С гиенами и грифами
И был вооружён не логосом,
А силой, злобой и рефлексом.
Он в первобытной родился стихии,
Был ею вскормлён,
Разумный в нём унасекомлен.
И в то же время, следует признать,
Что знаниями этот недотыкомка
Весьма, Я бы сказал, натыкан:
Он далеко не круглый неуч-троглодит,
Его высокое ай кью сомнению не подлежит,
Любой ЕГЭ ему под силу.
Он эрудит!

*(Люцифер слушает Боди-Бога с блуждающей на губах
улыбкой,*

Исида – озабоченно нахмурившись.)

БОДИ-БОГ *(в сердцах повышает голос).*

Виновен или не виновен?

Здоров вполне или немного болен?

Честный безумец или симулянт-ловчила?

Выходит, Я вас, господа хорошие, ни в чём не убедил?

За всю Мою историю

Впервые Бог не смог свести концы с концами.

Под старую-то дожил задницу!

Вот так единоистинный,

Вот так всеипостасный!

Хорош «еси»!..

А между тем веноч лавровый *на* уши себе повесил,

Как Люци любит выразаться характерно.

ЛЮЦИФЕР.

Так. Едак-едак. Примерно верно...

МАТФЕЙ (*мрачно*).

У каждого бывает сбой.

Не убивайся, мы с Тобой...

ЛЮЦИФЕР.

Мне психа через Конус бортовать,

Или, поскольку не мертвец,

Пусть топает по Лестнице, Отец?

МАТФЕЙ (*машинально*).

А я бы завернул

Башку в подмышку гению...

БОДИ-БОГ (*недовольно*).

На ваше усмотрение.

НЕ ПЕЙТЕ ЛИШНЕГО!

(Иаков лёгким шагом входит под портик, деловито располагается на пустом ложе справа от Боди-Бога, придвигает к себе чашу с мясом и кратер с вином.)

ИАКОВ (*Боди-Богу весело*).

А Ты, папаша Элохим,

Устроился нехило,

Чтоб мне так было!

Есть тема: уступи хламину
(*Обводит рукой помещение.*)

Под загородный дом.

Я, видишь ли, женюсь. Супермодель.

Кличут Аделью.

А я зову Нана.

Презентовать ей что-то надо.

Ох, братцы, и жадна!

За нею поездом из лучших лучшие,

Носами водят, лапами сучат, бухлом манят...

Всех отбивает, сучка.

Всё ради Якова, ради меня!

МАТФЕЙ.

Рехнулся вовсе.

Забыл: мы квартируем в Космосе!

ИАКОВ.

Я для своей Наны

На днях купил кусок Луны.

Но там-то надо обживать,

А тут убрал кусман – и на кровать!

(*Похлопывает рукой ложе, на котором возлежит.*)

БОДИ-БОГ (*внимательно наблюдая за Иаковом*).

Вдвоём с супругой нажито. Ты как считаешь, Мать,

Отдать?

ИСИДА (*мрачно*).

Я против.

Я здесь, под портиком, привыкла

С Тобой гулять.

БОДИ-БОГ (*Иакову*).

Вот видишь, незадача...

ИАКОВ.

Продай в комплекте с Матерью!

БОДИ-БОГ.

О чём ты, мачо?

ИАКОВ.

Смеюсь У нас сказали бы: всё включено.

Сойдёмся, Отче, не торгуясь!

(*Оглядываясь вокруг.*)

А это стиль какого Луя?

МАТФЕЙ (*возмущенно*).

Спаси, Господь: он в самом деле буйный!

ИАКОВ (*жадно закусывая*).

А почему на этажах евроремонт не проведен?

Как будто время было, тыщи дён.

Везде мурой забито:

Ковры, иконы, свечи, общинные кровати...

Всё надо повыкидывать!

(*Исиде.*)

Мать, не грусти!

(*Боди-Богу.*)

Я о контракте перетру с риэлторами из «Домостила».

(Нечто вспомнив, ударяет себя по лбу ладонью.)

Отец! А главное-то на процессе я упустил!

Всё адвоката козни...

(Улыбаясь, грозит пальцем Матери-Исиде.)

Не трогай то, да не касайся этого.

Ой-вей! Как я судебной не люблю мотни!

(Жадно выпивает полный фиал вина.)

Отец! Меня трясет благоговенья дрожь.

Но если честно-откровенно,

Ивашка Святогоров был хорош!

Коммунистической упорно

До самого конца держался формы,

Не ведал в алкоголе нормы,

Внезапным был подвержен уроям,

Порой клевался наподобие гуся.

Хорош и Рашка! Клепал ударные объекты,

Заполонил строительством страну,

А как пошить подгузники – ни тпру, ни ну!

(Иаков, торопясь, поедает закуски.)

Да что подгузники, товар высокой технологии –

О, боги! –

Прокладки женские не мог осилить,

При этакой-то всенародной силе!

(Иаков ловко орудует вилкой и помогает себе правой рукой.)

Для позитивного рабочего настроения,

Выравниванья мирового строя,

Я сделал, я считаю, главное:

Я Ваню оголил и окопал –

Отсёк нажитый капитал:

Для Святогора это – лишнее.

(Иаков взмахивает рукой, отсекая нечто.)

Успех нас ожидает и подавно,

Если удастся расточить

Саму и память о его мошне!

Иван и этот его отпрыск Рашка,

Имея в голове коммунистическую кашу,

Могли, подшившись от запоя,

Что-нибудь выкинуть тако-ое!

Подшитых не поймёшь:

Устроят, например – ха-ха! –

«По справедливости» делёж!

Не сами, так супруги их, кобылы.

Тем более, что отнимать-то

Ни у кого и ничего на этот раз не надо было,

И смертным боем никого не надо было бить,

А только оприходовать и по-де-лить!

(Иаков жадно испивает вина, окидывает озабоченным взглядом стол.)

...Но это бы Россию

На азиатчину сносило!

Пришлось прибегнуть к операции.

Совка не жалко,
Дедуле в самый раз без детородной палки.
А младшего бескровно ошарашили,
С имуществом предупредили шашни.
Он, Рашка, прав своих так называемых
Теперь сам не возьмёт,
В аренду не отдаст
И в траст не сдаст.

А главное, помёту своему не передаст!

БОДИ-БОГ (*медленно, тягуче*).

Мы тут посоветовались, как говорится,

И Я решил... доцент,

Тебя отправить на поправку в хостелцентр,

К сапожнику Василию Блаженному.

Ты слышал о таком?

(Иаков замолк и застыл в изумлении.)

Короче говоря, в дурдом.

ИАКОВ (*ошеломлённо обводит глазами участников трапезы*).

В дурдом? Зачем?

И почему к сапожнику?

Нашли спеца!

БОДИ-БОГ.

Там у него подворье и лечебница.

Василий пользуется толпу большевиков,

Громил идейных истовых.

А ныне корпус заложил
Для фишеров-монетаристов.

ЛЮЦИФЕР *(деловито).*

Сам Грозный Иоанн – а он в психозах смыслил! –
Лечился у провидца человеческих сердец и мыслей.

И результаты были неплохие
Юродивого психотерапии.

Пройдя реадaptацию Блаженного Василия,

Славнейший из мучителей российских,

Как хроники о том трубят,

Веревкою пеньковою перепилил

Не более пятка княжат

И порубал лишь одного

Слона персидского в куски,

То ли по дури, то ли от тоски,

А может быть, из-за персидской лени

Не пожелавшего перед верховным властелином русским

Встать на персидские бревноподобные колени...

БОДИ-БОГ *(понижив голос, заботливо.)*

Ты Мне внушаешь опасения, мой друг,

Ты изменился на глазах.

В последнем слове ты поминал

Римского Тита, князя Святослава,

Свой перманентный крах,

На горькую судьбу пенял пространно,

Хромал, чесался...

Сейчас ты бодр и весел... странно.

ИАКОВ (*недовольно*).

Там было заседание Суда, улик выуживание,

Я прокурором грозным был контужен.

А здесь товарищеский ужин.

МАТФЕЙ.

Ну, что, головка прояснилась?

ИАКОВ (*сердито*)

Она и не мутилась!

Я что-то лишнее сказал?

БОДИ-БОГ.

В последнем слове ты страдал:

Гонимый иудей и всё такое...

А Я тебя одёрнул, успокоил.

Сейчас совсем другое...

ИАКОВ.

Разве? В последнем слове?

БОДИ-БОГ.

Всё – в протоколе.

ИАКОВ.

Про протокол я не подумал.

Помню, Ты что-то говорил, Отец,

Про исторические бредни...

Сейчас-то, слава богу, слово не последнее!

БОДИ-БОГ.

Сейчас обобранные рашки

И хитрые бумажки...

Меня коробит от твоих сарказмов!

ИАКОВ (*успокоительно*).

Вы не грузитесь, Отче.

Всё это недосып, фантазмы.

Так проще и удобнее мне рассуждать.

Вы в самом деле думаете,

Что я при этом вижу перед собой

Не этот сочный греческий салат,

А нищую толпу и двух кастратов?

Ну, Вы, Отец, даёте!

Это всего лишь образ, троп...

БОДИ-БОГ.

Ты тропами своими Меня загонишь в гроб!

ИАКОВ.

Отец, но разве Ты не фантазировал,

Когда меня и мир творил?

Разве не Ты во мне оставил эту опцию?

Так почему, когда я исполняю

Тобой заложенную роль,

Ты недоволен?

Богу и Небесам – фантазия и вера на века.

Земле и разным там двуногим – диалектическая логика.

(Боди-Бога передергивает, Он издаёт носом свистящий звук.)

На вас, Всевышних,

Не угодишь!

Тебя в фантазии я сохранил.

Я так и говорил.

А на земле давно я Сущего не жду.

И это я подчёркивал.

Я прибегаю к дубляжу

И сам сужу-ряжу.

Тружусь по мере скромных сил.

В данный момент попала под руку Россия...

БОДИ-БОГ.

Я тебя, кажется, постиг.

Ты ещё тот архистратиг.

Завариваешь на фантазиях своих горшок лапши

И вешаешь Мне на уши.

Ну, продолжай эзопить.

Пусть будут тропы и супермодели.

Ты, собственно, хотел сказать о русском деле?

ИАКОВ (*собираясь с мыслями, медленно и недовольно*).

Не знаю, как Вам лучше это донести

И как раскрыть,

При этом не обидеть?..

Я лишь хотел сказать: как *самец* и производитель,

Народ российский облегчён, стабилизирован и приручён.

Возможно, и не лучший метод тот,

Но где ж на всех набраться лучших методов?

(*Что-то вспомнив.*)

Опять же, ещё греки с иудеями

С времён Солона одобряли

Легченья радикальную идею...

Об этих Вы должны бы знать проектах,

Как вечный и внеисторический субъект.

(Исида машет Иакову рукой, требуя остановиться.

Иаков, подкрепляясь вином и мясом, собирается с мыс-

лями

и продолжает всё более напористо и увлечённо.)

Египет, Турция, Италия наваривали прибыля,

Добрейших на продажу молодцов выкладывая!

А тут сто сорок миллионов, мля-а-а!!!

Да что я агитирую? Кого?!

(Иаков откидывается на ложе, широко улыбаясь.

Указывает рукой через столик на Боди-Бога.)

У вас, богов, – история нам дарит знания! –

Дела всю жизнь решались

Достоинства мужского урезанием!

Урана, помнится, урезал Кронос,

А Кроноса прооперировал, по-моему, Зевес.

Или я путаю, Отец?

Прости, я встал сегодня рано.

У боженьки Урана

В промежности веками, говорят,

Гноилась пребольшая рана...

Не вру, вот Тебе крест!

Так шёл ещё когда-а-а замены гегемонов
Естественный процесс.

Так было в прошлом и так будет впредь.

Так что правами лишнего не следует смердеть.

Короче, благодарствую, Отец!

Вернусь к себе – неделю будем керосинить,

Спасителю спасибо!

Твоя поддержка дорогого стоит,

Хоть я, как «подлый раб»,

Поблажек не достоин...

(Боди-Бог, откинувшись в кресле, изумлённо

слушает тираду Иакова. Лицо его искажает

гримаса гнева. Исида стоит у колонны портика,

закрыв лицо шарфом. У Люцифера, поднявшегося на ло-

же,

зелёными огнями горят оба глаза.)

ЛЮЦИФЕР *(восхищённо).*

Ну, прост-то от-торопь берёт!

Каков, однако, воин!

Он убедителен, как комментатор Бовин!

ИАКОВ *(возмущённо).*

И снова выбросы из-под хвоста!?

Бог предков, Отче сладостный,

Прерви, Властитель, речи тягостные,

Останови напраслину,

Или убей, заняв от Лестницы балясину!

Пусть Твой варнак

Не гонит порожняк...

БОДИ-БОГ (*поднимаясь из-за стола, глухо*).

Убил бы я тебя,

Как был убит Андрей Тарасом Бульбой, идол.

Дождёшься, раб:

Как Цезарю, устрою мартовские иды...

(Покачив головой.)

Не трогает раба

Богов несчастная судьба...

(Люциферу.)

Радуйся, бес,

Суд принимает твой протест...

И ВСЁ-ТАКИ ЭКСПЕРТИЗА

(Вновь зал заседаний. Участники процесса на своих местах.

Иаков в загородке, нервно оглядывается по сторонам.)

ЛЮЦИФЕР (*стоит за своим столиком, торопливо*).

Считаем подсудимого вменяемым.

Не допускаем и протрации.

Царю небесный, благодарствуйте,

Что приняли кассацию!

ИСИДА (*Люциферу в сердцах*).

Не верите Отца решению?

Протрите бельма брением...

(Плюёт на пол и растирает плевком носком сандалии,

приготовляя «мазь-брение» для глаз Люцифера.

Люцифер трясётся от негодования.)

ЛЮЦИФЕР *(еле сдерживаясь).*

Мы, исключительно во имя истины,

Не ради гонорария

Желаем получить о гигиене подсудимого

Экспертов комментарий.

(Иакову, восхищённо улыбаясь.)

Ну, ratio! Ну, отмочи-ил!

Уж как же я доволен, братец!

Ну, выше си-ил!

Ну, просто откровение!

(Исиде.)

Коллега, повремените с брением.

Бабушка надвое сказала,

Кому зеницы надо мазать.

Допрыгались, друзья,

Закрыли вексель с оборотом на себя!

БОДИ-БОГ.

Оставить свару и галдёж!

Дойдёт до Европейского – костей не соберёшь.

И так уже Россия кляузами завалила Европейский суд.

ЛЮЦИФЕР *(весело).*

Касачки рюкзаками прут!

ИСИДА.

Такие вот как ты, Люци,

Толкуются в Европейском... наглецы!

БОДИ-БОГ (*сухо*).

Суд должен констатировать вменяемость

Или, напротив, невменяемость лица,

Порушившего Святогоровым тестикулы,

Или, сказать по-русски, яйца

Кровавой ночью мглистой.

Жду предложений о специалистах.

Подайте голос, стороны.

В виду имейте: ваши голоса равны.

И поживее,

Спецы по гигиее!

Ни жить ни быть,

Нам заседание сегодня завершить.

Весь день Я занят завтра.

Районного довольно психиатра?

ЛЮЦИФЕР.

По суицидам, алкогольному делирию

И прочим завихрениям мозгов

Русь вознеслась на первые ступеньки рейтингов.

Одновременно пала сноровка кашенков,

Обращены они в сопливых пашенков.

Поскольку получает эскулап гроши,

Его дедукции нехороши.

Я бы своих набрал и не зелёных бакалавров.

Мне личит академик Павлов.

Едва ли кто в России его времён
Такими плюхами кормил Вождя народов и племён.
Редчайший муж, герой!

Не врал ни судьям, ни Политбюро
Ни принародно, ни наедине с собой.

Среди земных, да и среди небесных сил сейчас таких не
видно.

Как я ему завидую, благочестивая Исида!

ИСИДА.

Кулачек захотел, бандит?

Давно, видать, не бит.

Иван Петров? Который Павлов?

Да он национал, прожжённый атеист!

В России православные и либералы поднимут жуткий
свист.

Я предлагаю для баланса «вредителей-врачей»:

Брунштейна, или Верейского – он всех кручей.

Дышали при Вожде они на ладан.

Но вывернулись и новейшею историей оправданы...

ЛЮЦИФЕР.

А для надзора за космополитами – тук-тук! –

Приставить Лидку Томашук.

БОДИ-БОГ.

Наметить остаётся председателя.

А чтобы мы с Иаковым не спятили,

Я предлагаю сразу Гиппократа.

Он колебаниям Суда поставит мат.
Конечно, Гиппократ немного циник,
Однако же, отец всей медицины.

ИАКОВ (*недоумённо*).

Какой-то кемар!

Сон, наведённый кем-то!

Убей, не понимаю...

Какая экспертиза? Хрень какая!

ИСИДА (*подойдя к Иакову, тихо*).

В доме повешенного не поминают о верёвке,

У Каина в шатре не ищут брата

И о серпе помалкивают под крышею кастратора!

БОДИ-БОГ (*мрачно*).

Я удаляюсь в совещательный камор

Для осмысленья приговора.

Исида-матушка, давай-ка во всю прыть...

Теперь бы мне подарка Вакхова испить.

А вы...

(*Иакову и Люциферу.*)

... друг друга не кокшите,

Покуда погуляйте, подышите.

(*Люциферу.*)

Да покажи авторитету по уранам-кроносам

Наш Колумбарий-Конус...

КОНУС ВЕЧНОГО БРАТСТВА

(*Иаков и Люцифер шагают небесными переходами.*)

Люцифер бережно обнимает за плечи хмурого Иакова.)

ЛЮЦИФЕР (*зорко оглядываясь по сторонам*).

Разгневался старик. Ох, Он бывает крут!

Боюсь, банкиров тесный круг

Не поредел бы, Яша, вдруг...

О Кроносе-кастрате вспомнил ты спроста.

Увидишь, брат, немилосердного Христа...

ИАКОВ (*в сердцах*).

Не знаю, что Он взъелся?

В богах, наверно, засиделся!

ЛЮЦИФЕР.

Ты думай, думай головой.

(Торжественно.)

А вот, братан, и Конус мой!

(Площадка огромной, восходящей снизу и уходящей в неизмеримую

высоту винтовой лестницы, образующей конус, растрескивающимся вверху. Колоссальная воронка залита нежным закатным светом. На призрачных стенах высокого холла, превращённого в музей, проступают фрески, мозаики, картины, изображающие жизнь мёртвых: Одиссей в Аиде, распрашивающий тень Тиресия; Геракл и страж Аида Цербер; карта Земного рая Афанасия Кирхера; «Проклятые в аду» Луки Синьорели; «Христос ведёт патриархов в рай» Бартоломе Бермехо.

На постаментах – папуасская скульптура, символизиру-

ющая преемственность поколений: согбённые человеческие фигурки, стоящие друг на друге; этрусское надгробие с возлежащим на крышке урны для пепла юношей; рельефы: «Воскресение Лазаря», «Поминальный пир» и др.; расписные маски саркофагов. В инкрустированных драгоценными камнями витринах – египетская «Книга мёртвых», «Божественная комедия» Данте в списке 1321г. На особом столике с табличкой «Новинка» поэма Юрия Кузнецова «Путь Христа». Кругом цветы в хрустальных вазах – хризантемы, чёрные и алые розы.

По широким ступеням Лестницы восходят людские толпы. Все в новом платье, без галстуков. Иные в штиблетах, иные в бальных туфлях, иные в тапочках. Вид испуганно-удивлённый, многие на ходу с изумлением осматриваются. Слышно шарканье тысяч ног по ступеням и площадке и тихий сдержанный говор. Высшие чиновники, бизнесмены, работодатели, крупные менеджеры сторонятся мелких служащих и наёмных работников. Звёзды экрана и открытых сцен пытаются, сгруппировавшись, напеть шлягеры, однако их попытки гаснут в приглушённом гуле массы идущих. Служители в чёрном обносят паломников винами, закусками, минеральной водой, предлагают успокоительные таблетки и микстуры.

Звучит, всё усиливаясь, хоральный гимн. На площадку выходят Люцифер и Иаков. Иаков при виде развернувшейся перед ним картины склоняется на плечо Люцифера, ноги его

подкашиваются. Люцифер, остановившись, щупает Иакову пульс.)

ХОР

*Боже духов и всякая плоти!
Ты, кто смерть навсегда отринул,
Порадей о русском илоте,
Пощади непутёвого сына.
Будь он нищим или дельцом,
Оберни к Восходу лицом...*

ЛЮЦИФЕР *(озабоченно).*

Не думал, брат, что ты такой слабак.

С тобой и пошутить нельзя никак.

Пульс нитяной, давленье ноль... и жёлт.

А ежели теперича дефолт?

(Засовывает руку в вазу с чёрными и алыми розами и брызжет на Иакова водой. Иаков приходит в себя, освобождается от руки Люцифера и дико озирается.)

ИАКОВ.

Что это? Кто?!

Валит толпа на стадион?

Или скота на бойню перегон?

Иль высыпал Всевышний вшей мошну?..

Да разожми ты, наконец, клешню!

Ты в холодильнике держал свою каляпу?

Куда ты волочёшь меня, старик?

Ты оторвешь мне напрочь воротник!

ЛЮЦИФЕР (*убирает руку с плеча Иакова, ворчливо*).

За «старика» ответишь!

Видать, тебя манерам обучали

В православной бурсе.

Куда идём?

Нам велено свершить экскурсию.

ИАКОВ.

Так отвечай, экскурсовод: кто эти люди? Где я?

ЛЮЦИФЕР.

Я не назвал бы их вполне людьми.

Скорее, это их идеи...

ХОР

(Женские и детские голоса.)

Чтобы разуму не плутать во тьме,

Огради от сомнений тленных,

Будь спасением сирому мне,

Благодатный и Сокровенный!

(Мужские голоса.)

Принимай свою паству, Благой,

Мы спешим, как можем, скорее.

Солнце круг завершает свой

И не нас оно греет...

ЛЮЦИФЕР.

Сначала осмотрись вокруг.

Что видишь ты, Спинозы тайный друг?

Взгляни под ноги – там, в дымке,
Конуса вершина усечённого,
Схождение Небес с Землёй, смекаешь, брат?
Эффект невиданный, неопиcуемый, неизречённый –
Обратный Вавилонский зиккурат!
Шарик сечёшь в просвете голубом?
Вниз долго не смотри, держись за поручень ладом.
ИАКОВ (*всматривается вниз и вскрикивает*).

Там – глобус?

ЛЮЦИФЕР.

То – матушка Земля, твой тленный дом.

А там –

(Закидывает голову назад.)

Вечного Братства храм!

ИАКОВ (*заворожено переводит взгляд вверх*).

Вдоль стен по лестнице-спирали

Толпа пылит,

И стены сплошь мерцающей покрыты пылью...

ЛЮЦИФЕР (*важно*).

То пыль, извергнутая жизнью,

Очищенная, обезвоженная

И Благодатью орошённая.

А эти, как сказал ты, люди –

Мужчины, женщины и трансвеститы –

Материал строительный,

Вроде цемента или извести.

ИАКОВ.

Куда они спешат?

ЛЮЦИФЕР.

К великому сиянью,

Где Ветхий днями свою развёрстывает Благодать.

На следующем круге спирохеты

Проходят дезинфекцию

В полотнищах то лунного, то солнечного света,

Десублимацию – стирание из памяти

Самодовольства, зла и гордости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.